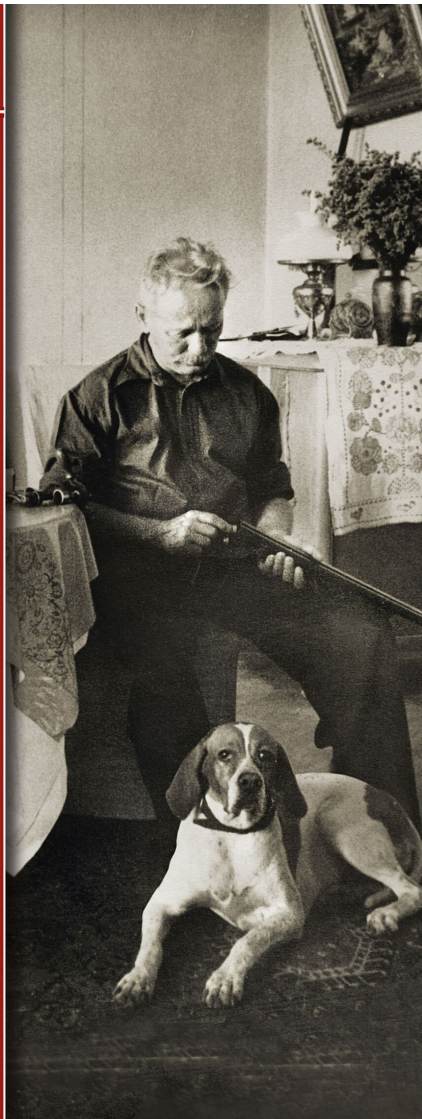

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Александр Васькин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ОТ ОТЕПЕЛИ ДО ПЕРЕСТРОЙКИ

Александр Анатольевич Васькин
Повседневная жизнь
советских писателей от
оттепели до перестройки
Серия «Живая история. Повседневная
жизнь человечества (Молодая гвардия)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69543412

*Повседневная жизнь советских писателей от оттепели до перестройки / Александр Васькин.: Молодая гвардия; Москва; 2023
ISBN 978-5-235-04757-0*

Аннотация

Новая книга Александра Васькина рассказывает о том замечательном времени, когда наша страна считалась не только самой читающей в мире, но и самой пишущей. Ибо ни в одном другом государстве не проживало столько официально признанных писателей – почти десять тысяч человек: поэты, прозаики, драматурги, сценаристы, переводчики, критики... Жизнь советских писателей была чрезвычайно увлекательной и насыщенной – они работали в домах творчества, лечились в литфондовских поликлиниках, тратили честно заработанные

гонорары, получали заслуженные премии и ордена, ездили в командировки по стране и за границу. А еще справляли новоселье в так называемых писательских домах, отдыхали на дачах, заседали на съездах и в ресторане ЦДЛ. Это интереснейшее повествование о буднях и праздниках советских писателей, о их повседневной жизни от оттепели до перестройки (1950—1980-е годы), в которой хватало места и юмору, и грусти. Книга основана на архивных документах и свидетельствах очевидцев, ряд которых публикуется впервые.

Содержание

Предисловие	9
Глава первая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Васькин Повседневная жизнь советских писателей от оттепели до перестройки

Автор благодарит за помощь Кирилла Алексеевича Арбузова (сына драматурга Алексея Арбузова), художника Галину Константиновну Ваниенкину (дочь поэтов Инны Гофф

и Константина Ваншенкина), поэта Геннадия Николаевича Калашникова, фотографа Вадима Михайловича Крохина (сына директора Дома творчества писателей в Дубулты Михаила Баумана), журналиста Андрея Марковича Максимова (сына поэта Марка Максимова), заведующую музеем «Дом на набережной» Ольгу Романовну Трифонову (вдову прозаика Юрия Трифонова) и сотрудников Российского государственного архива литературы и искусства.

Автор и издательство «Молодая гвардия» благодарят Государственный литературный музей им. В. И. Даля за предоставленные иллюстративные материалы.

© Васькин А. А., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

Предисловие

«Кому на Руси жить хорошо? Советским писателям?»

Где-то году в 1957-м произошла эта история. Начинаящий советский драматург Александр Володин, успевший написать к тому времени первую пьесу – «Фабричная девчонка», зарабатывал свой скудный хлеб тем, что разъезжал по клубам и колхозам Ленинградской области, выступая перед народом – рабочими, крестьянами и трудовой интеллигенцией. Вместе с ним в составе своеобразной агитбригады путешествовали баянист и лектор, разъяснявший мудрую политику партии. Надо полагать, что принимали их хорошо. Особенно баяниста. Неожиданно Володина вызвали в райком – пришла на него «телега». Оказывается, выступая в школе рабочей молодежи и отвечая на вопросы о Владимире Дудинцеве и Борисе Пастернаке, Володин сказал этой самой молодежи вовсе не то, что писали в газете «Правда». Сказал то, что думал.

Аудитория осталась довольна в отличие от некоей учительницы, настроившей кляузу. «Она точно записала мои ответы, и все они были действительно по тогдашним временам никак не допустимы. А в конце письма, чтобы разоблачить меня до конца, она добавила: “К тому же он был

нетрезв”», – вспоминает Александр Володин¹. Неизвестно, чем бы для него закончился этот вызов «на ковер», если бы не одно обстоятельство, облегчившее его участь. Секретарь райкома партии оживился: «Что пил-то?» Володин опять ответил честно: «Стакан красного вина и пиво». Тут старшие товарищи – члены бюро райкома – стали его учить уму-разуму: «Кто же это вино с пивом мешает! Водку нельзя с пивом мешать, а вино еще хуже. Вот даже коньяк можно с шампанским. А вино с пивом никогда». И отцепились они от молодого драматурга, поняв, в чем его главная ошибка. Ибо Пастернака и Дудинцева в Мгинском райкоме КПСС Ленинградской области отродясь не читали, а вот то, что хорошие напитки смешивать нельзя – знали точно. А письмо порвали. И ушел будущий автор сценария к «Осеннему марафону» с миром...

Немало мифов сегодня сложено о советском образе жизни, в том числе и о писателях, которые, оказывается, не жили, а «как сыр в масле катались». И то у них было, и другое, и третье. С неба валилось. Но и ведь и работать приходилось немало. Каждый советский школьник знал, что «у нас любой труд в почете». А труд писателя был почетен вдвойне, но не только по той причине, что неплохо оплачивался, а еще и потому, что расценивался как профессиональная деятельность. Пожалуй, не было на свете такой страны (кроме Китая), где проживало и работало столько литераторов. Лишь официально признанных таковыми к концу перестройки на-

считывалось более десяти тысяч человек – членов Союза писателей (СП) СССР. Целая дивизия! Членство в Союзе писателей служило признанием профессионального статуса литератора и достижением статуса социального, на ступеньку (или даже две) выше, чем у большинства простых советских людей.

Откроем толстенный, словно кирпич, справочник Союза писателей СССР 1976 года, изданный в разгар так называемой эпохи застоя. Кого только нет на его пожелтевших страницах: прозаики, поэты, драматурги, сценаристы, переводчики, публицисты, литературоведы, критики, сотрудники редакций и издательств. Встречаются и известные имена, и крупные личности. Но большая часть фамилий все же мало что скажет современному читателю. Одних только писателей Ивановых здесь 18 человек, не говоря уже об Иванченко, Иванько и Иваненко (о Петровых и Сидоровых скромно умолчу). Целых восемь литераторов по фамилии Бабаев, десять Ибрагимовых, три Сердюка, два Солоухиных и один Пришвин... А еще полтора Чеховых и единственный Пушкин. И все они проживали на бескрайних просторах Советского Союза. И для всех находились и бумага, и читатели – благо что СССР считался самой читающей страной в мире. Тогда уж и самой пишущей.

При таком количестве писателей-однофамильцев, само собой, был поставлен и рекорд по псевдонимам. И ведь какие причудливые попадают! Киевский критик Сергей Алексе-

евич Пыльненький творил под псевдонимом Пыльный. Весело. А поэт из поселка Палатка Магаданской области Анатолий Александрович Пчелкин публиковался под псевдонимом Корней Чуковский – через букву «т». Находчиво. Такой вот получается клуб веселых и находчивых литераторов...

Управлять этим воинством, вооруженным письменными принадлежностями, было тяжело: не все хотели идти в ногу. Несерьезные какие-то люди! И особенно плохо было у советских писателей с идейностью. «Одна из коренных причин отставания нашей литературы и состоит в отрыве значительной части писателей от жизни народа, в том, что они замкнулись в рамках узколитературного быта и появляются в семьях рабочих и колхозников только как наблюдатели, собирающие в порядке “творческой командировки” материал для будущей книги», – констатировал отдел культуры ЦК КПСС в оттепельном 1957 году². Неважным было и качество писательского творчества: «Партия не раз указывала на серость и примитивизм многих произведений писателей... Необходимо повысить роль печати, писательских организаций в борьбе с этой серятиной». Бросается в глаза последнее слово в этом официальном документе – «серятина», выделяющееся из общего бюрократического стиля.

Самих писателей обуревали схожие мысли. В дневнике от 12 декабря 1954 года Александр Твардовский, размышляя о причинах низкого качества литературы, запишет: «Нам даны все права, кроме одного – права плохо писать»³.

Объективно говоря, кого бы ни принимали в ряды союза, реакция всегда была положительной, радостной. «Когда меня приняли в Союз писателей, я был счастлив и горд, что государство признало меня писателем... Для меня началась новая полоса... Звание члена [Союза писателей] можно было, пожалуй, приравнять к генеральскому... Членский билет СП давал многие привилегии, и главной из них было право не ходить на службу, а самому распоряжаться своим временем», – пишет Владимир Войнович⁴. Созвучно ему и мнение совсем другого литератора, Владимира Крупина: «Сегодня вручают билет. Писательский. Это много, конечно. Как паспорт. Как партбилет»⁵, – из дневника от 10 марта 1976 года. Другое дело – как потом складывалась судьба писателя, учитывая его творческие амбиции и способности, а главное жизненные цели. Кто-то испытывал неудовлетворение, а иные были счастливы. «Я вижу вокруг столько обойденных и обьеденных людей, что боюсь за свою счастливую судьбу и все вижу во сне, как снова оказываюсь в литейном цехе с кувалдой в руках и с полуголодными ребятишками дома», – признавался 10 октября 1966 года Виктор Астафьев⁶.

Недаром критик Лев Аннинский очень точно назвал Союз писателей «смесью острейших опасностей и фантастических возможностей». Фантастические возможности – это и свои литературные журналы и газеты, и свои издательства, коими располагал каждый из пятнадцати республиканских

союзов писателей, входящих в большой союз. И огромные тиражи книг (и сто, и двести тысяч экземпляров). А еще в ведении правления СП СССР находились Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы, Иностранная комиссия, ведавшая регулярными выездами писателей за рубеж, и многое другое. Богатейшие возможности имел Литературный фонд СССР, созданный в 1934 году, почти одновременно с СП СССР, для «помощи работникам литературы», ставший со временем мощнейшей материальной базой для «растущих писательских кадров». Литфонд превратился в своеобразную общую копилку, куда стекались отчисления от гонораров^[1]. Так Союз писателей стал огромным министерством литературы со своими льготами и привилегиями, домами творчества и поликлиниками, жилыми корпусами. В условиях советской плановой экономики с ее дефицитом и системой распределения (когда трудно было купить, но легче «достать») это служило серьезным подспорьем для творческих людей. Наконец, писательская армия имела и своих литературных генералов, которые ею же и руководили.

Острейшие опасности подстерегали писателя на границе, разделяющей свободомыслие и жесточайшую государственную цензуру – одну из основ существования советского строя. Цензуре подвергалось всё – начиная от спичечных этикеток и заканчивая театральными афишами. Несогласных писателей ждала эмиграция, которой нередко (в том или ином сочетании) предшествовали травля, психиатриче-

ская больница и тюрьма. Иногда бывало и проще – уезжали «читать лекции». Так и сформировалась третья волна эмиграции – Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Виктор Некрасов, Александр Галич, Василий Аксёнов, Наум Коржавин, Лев Копелев, Владимир Максимов, Анатолий Гладилин, Андрей Синявский, Сергей Довлатов, Эдуард Лимонов, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Александр Зиновьев, Юрий Мамлеев, Анатолий Кузнецов. Насколько разнообразен все же этот список – в нем и фронтовики, и орденосцы, и лауреаты Сталинских премий и даже те, кого Союз писателей СССР так и не удостоил чести быть принятым в свои ряды, а все равно выдавили их из страны. Лишили гражданства, а книги уничтожили. А между прочим, среди перечисленных – два нобелевских лауреата...

Потребность членства в Союзе писателей не была бы столь острой, если бы в СССР существовал, например, свой ПЕН-клуб, объединяющий писателей на сугубо профессиональной основе. Однако такая возможность была начисто отменена по естественным причинам еще в 1956 году: «Хартия ПЕН-клубов содержит неприемлемые для советских литераторов положения: выступать против цензуры, использовать свое влияние в целях предотвращения классовой борьбы, критиковать правительство»⁷. Тем не менее ПЕН-клубы существовали не только в капстранах, но и в так называемых странах народной демократии – Польше, Болгарии, Венгрии, Чехословакии.

Используя возможности и преодолевая опасности таких сложных исторических периодов, как оттепель, застой и перестройка, советские писатели создали немало интересных произведений. Но есть еще один миф – лишь члены Союза писателей могли увидеть свои сочинения опубликованными. А другие, что называется, – побоку. Нет, это не так. Взять хотя бы Владимира Богомолова, которого прославил его роман «Момент истины», выдержавший в нашей стране более ста переизданий. Владимир Осипович не хотел быть членом Союза писателей из принципиальных соображений. Правда, характером он обладал непростым, что, возможно, и помогло ему состояться как писателю, так сказать, внесистемному. Другое дело, что его произведения несколько не противоречили, образно выражаясь, линии партии. А Владимир Высоцкий, успешно сочетавший актерский талант с поэтическим призванием? Разве это не пример того, как удачно может сложиться творческий путь? Не был членом Союза писателей и Леонид Дербенев, пожалуй, самый знаменитый поэт-песенник СССР. А Венчикка Ерофеев? Он так вообще не нуждался ни в официальном признании, ни в разрешениях цензуры. Список этот можно продолжить. Я специально привожу примеры литераторов, творивших в самых разных жанрах... И о них также рассказывает эта книга.

Материалами для книги послужили не только архивные документы, но и воспоминания, дневники и письма многих советских писателей, среди которых – Василь Быков и Гри-

горий Бакланов, Александр Гладков и Игорь Дедков, Александр Володин и Анатолий Жигулин, Александр Твардовский и Давид Самойлов, Виктор Астафьев и Александр Борщаговский, Анатолий Алексин и Самуил Алёшин, Владимир Дудинцев и Анатолий Рыбаков, Андрей Вознесенский и Константин Ваншенкин, Юрий Олеша и Борис Слуцкий, Вениамин Каверин и Анатолий Гребнев, Павел Антокольский и Василий Аксёнов, Фёдор Абрамов и Юрий Казаков, Юрий Нагибин и Евгений Шварц, Корней и Лидия Чуковские, Даниил Гранин и Юлий Крелин, Иван Стаднюк и Инна Лиснянская, Юрий Трифонов и Владимир Лакшин, Анатолий Гладилин и Станислав Рассадин, Валентин Пикуль и Сергей Есин, Евгений Сидоров и Сергей Чупринин, Геннадий Красухин и Анатолий Курчаткин и многие другие. Особый интерес представляют трехтомные «Дневники» («Щоденники»). одного из «главных» украинских советских писателей Олеся Гончара, вышедшие на украинском языке в 2002–2004 годах в Киеве, но до сей поры не исследованные должным образом в России. В этой книге они впервые обширно цитируются и комментируются, для чего мне пришлось перевести их на русский язык (благо что не с албанского).

Ну и главное, объединяющее все эти имена обстоятельство – произведения почти всех советских литераторов (и не состоявших в Союзе писателей) выходили в издательстве «Молодая гвардия», столетие которого приходится

на 2022 год. В здании издательства до сих пор висят их портреты, а старейшие сотрудники еще помнят своих авторов...

Работа над данной книгой была завершена в январе 2022 года.

*Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо.*

Иосиф Бродский. 1969 год

Глава первая

Дом творчества в Дубулты: «Идет охота на волков»

*Совесть писателя должна быть в полной мере
совестью народа.*

Константин Паустовский. 1956 год

Совесть Фёдора Абрамова – Деревенщики, почвенники и язвенники – Григорий Бакланов меняет дислокацию – Лейтенантская проза – Цензура борется с фронтовиками – Охота на Василя Быкова – «Нетелефонный разговор» с Сергеем Залыгиным – Тетрадь Валентина Курбатова – «Слава партии родной!» – Юрий Нагибин «марает много» – Эльдар Рязанов пишет сценарий – Знаменитый директор Михаил Бауман – Самуил Маршак: «Дайте мне чернил побольше!» – «Дубултский период» развития советской литературы – Дзидра Тубельская – Писатели-теннисисты – Баня для литераторов – Розыгрыш Даниила Гранина – К нам приехал Генрих Бёлль! – «Отпор литературному власовцу» – Юрий Трифонов в подполье – Латышская водка «Кристалл дзидрайс»

Вечером 31 августа 1973 года ближе к девяти часам оби-

татели Дома творчества писателей в латвийском Дубулты по обыкновению собрались у голубых экранов – посмотреть «чего там у них в Москве происходит». Телевизоров в номерах не было – они стояли в холлах, по одному на этаже (как в больнице или пионерском лагере), и потому просмотр телепередач был коллективным. Это было очень удобно: вряд ли кто-либо из присутствующих осмелился бы оспаривать вслух необходимость просмотра программы «Время». Если у себя в номере – пожалуйста, но чтобы при всех остальных подвергать сомнению исключительную правдивость передачи, это уж увольте...

А что, собственно, могло происходить в Москве? Шел третий год девятой пятилетки – советские газеты называли его «решающим», а следующий, 1974-й, был почему-то «определяющим». Национальный доход должен был вырасти на 28 процентов по сравнению с восьмой пятилеткой, а уровень благосостояния советских людей увеличиться на 10 или 15 процентов. На сколько конкретно, даже не важно, главное, что в принципе этот уровень рос. От года к году. По-другому и быть не могло. И приникшие к телевизорам советские писатели разных рангов и мастей могли подтвердить: да, у них растет, да еще как: и тиражи, и гонорары, и квадратные метры!

Советские писатели не то чтобы обожали программу «Время» – просто другой не было. И вроде бы на отдыхе никто не заставлял их бежать к телевизору к девяти часам ве-

вчера: можно и по берегу погулять перед сном, морским воздухом подышать, но тянуло к «ящику»! Хотя ничего нового телевизор показать не мог. Ибо название главной информационной программы страны приобрело какой-то даже метафизический смысл: время, спокойно и незыблимо стоящее на месте. День за днем, месяц за месяцем практически ничего не менялось. Только седины у дикторов Центрального телевидения понемногу прибавлялись...

На экране появился огромный циферблат. Вот уже длинная стрелка подобралась к короткой и, обогнав ее, устремилась к цифре «12». Девять часов. Пролетела, как железнодорожный экспресс, музыка Георгия Свиридова. «Добрый вечер! Здравствуйте, товарищи!» И понеслось: председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Подгорный принял в Кремле верительные грамоты у вновь назначенных иностранных послов. Министр иностранных дел СССР товарищ Громыко встретился с делегацией Всемирного конгресса мира. Хлеборобы Кубани засыпали в закрома Родины очередную тонну зерна. Досрочно выполнили годовой план металлурги Магнитки. Продолжается космическая вахта. День знаний. Наконец, международная хроника: беспокойно на улицах Бейрута, рабочие парижских предместий опять требуют повышения зарплаты. И так день за днем...

Но при такой предопределенности содержания «Времени» чего же так ждали советские писатели в последний день августа 1973 года? Не в самом начале передачи, а где-то на

десятой минуте на экране появился диктор Игорь Кириллов и, сдвинув брови, с выражением стал читать открытое письмо советской писательской общественности главному редактору газеты «Правда»:

«Уважаемый товарищ редактор!

Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма. Советские писатели всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба – веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику “холодной войны”, не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения»⁸.

Особенно зловеще были произнесены диктором последние слова: «...презрения и осуждения». Один безобидный детский писатель, что притащил с собой стул из своего номера (именно в этот вечер мест у телевизора всем не хвати-

ло, — хотя в холле стояло достаточно кресел), даже вздрогнул, будто от окрика ресторанного швейцара: «Куда, мол, идете, гражданин, без галстука?» Но галстук был здесь ни при чем.

Дорогая передача!

Во субботу, чуть не плача,

.....

Вся безумная больница

У экранов собралась —

так пел Владимир Высоцкий (еще один частый гость Рижского взморья), высмеивая странную привычку советских людей писать письма на телевидение, радио и в газеты. Но это письмо было особенным. Оно было опубликовано в «Правде» в тот же день, с утра. И содержание его в общем было известно, как и фамилии людей его подписавших. Все, кто купил «Правду» в киоске у станции Дубулты, увидели, что под письмом перечислен весь писательский синклит: Чингиз Айтматов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Расул Гамзатов, Олесь Гончар, Николай Грибачёв, Сергей Залыгин, Валентин Катаев, Алим Кешоков, Вадим Кожевников, Михаил Луконин, Георгий Марков, Иван Мележ, Сергей Михалков, Сергей Наровчатов, Виталий Озеров, Борис Полевой, Афанасий Салынский, Сергей Сартаков, Константин Симонов, Сергей Смирнов, Анатолий Софронов, Михаил Стельмах, Алексей Сурков, Николай Тихонов, Мирзо Турсун-заде, а еще Константин Федин, Николай Фёдоренко,

Александр Чаковский, Михаил Шолохов, Степан Щипачёв. Строго по алфавиту. Всего 31 человек. Не так много для самого массового творческого союза СССР. Но дело было не в числе, а в огромном номенклатурном весе большинства указанных товарищей, среди которых встречаются действительно талантливые и любимые народом писатели.

В ЦК КПСС посчитали, что надо усилить впечатление и прочитать письмо еще и по телевизору: то ли это было проявлением заботы партии о неграмотных (использовавших советские газеты не по назначению), то ли, наоборот, о чересчур грамотных, или, как тогда выражались, «слишком умных». Тех, кто подобно профессору Преображенскому не читал советских газет, и не только перед обедом, а вообще. Так пусть послушают, в назидание!

Нельзя сказать, что все из перечисленных писателей внесли вклад в мировую литературу столь же значительный, что и в борьбу с инакомыслящими. Некоторых из них если и вспомнят сегодня, то только в связи с тем, что они подписали это письмо против Александра Солженицына и Андрея Сахарова. В СССР это называлось «пригвоздить к позорному столбу». Все, кто поставил свою подпись, имели полное право (и сполна им пользовались) жить в Доме творчества на самых лучших этажах – восьмом и девятом. В основном это были сливки советской литературы, писательские шишки. Подчиненные им коллеги, сидевшие в тот вечер у телевизора в Дубулты, знали свое начальство в лицо – руководи-

лей Союза писателей СССР и аналогичных союзов союзных республик. Согласитесь, очень символично: писатели высокого полета и живут под облаками. Но в тот вечер в Дубулты был один писатель, отказавшийся ставить свою фамилию под этим письмом. Его тоже должны были «посчитать» (как в том детском мультфильме), но он отказался. Это был Фёдор Абрамов.

Фёдор Александрович приехал в Дубулты в начале июля 1973 года на два месяца: не так давно он вернулся из командировки в Сибирь, наполнившей его новыми яркими впечатлениями. Теперь у писателя появилась возможность доверить их бумаге. Однако отдых Абрамова получился не спокойным, а каким-то нервным. Как раз в это время в Москве шла активная подготовка коллективного письма от имени советской писательской общественности, осуждающего Александра Солженицына и Андрея Сахарова. Письмо предложили подписать самым видным литераторам, в том числе и Фёдору Абрамову – ведущему писателю-деревенщику. Его уговаривали по телефону: надо полагать, звонили не один раз, ссылаясь, что все остальные уже подписали или вот-вот поставят свою подпись. Однако Абрамов нашел в себе мужество твердо и решительно отказаться. Даром служба в Смерше не проходит.

Не только совесть не позволила Фёдору Абрамову присоединиться к общему хору обвинителей, но и личная точка зрения, противоположная официальной. «На глазах все-

го мира совершается очередная русская трагедия: великого патриота клеймят как изменника Родины, как предателя своего народа. И кто клеймит? Все тот же народ... О, Россия, Россия... Когда же ты хоть немного поумнеешь?» – отметил писатель вскоре в своем дневнике, назвав академика Андрея Сахарова «великим патриотом»⁹. Да, Фёдор Александрович был принципиальным человеком, бескомпромиссным.

Фёдора Абрамова справедливо называют лидером так называемой деревенской прозы – самобытного литературного направления в российской литературе, возникшего с началом хрущёвской оттепели и захватившего эпоху перестройки. Все те невзгоды, что выпали на долю русского крестьянства после 1917 года: кровавое раскулачивание, жестокая коллективизация, обескровившая деревню война, мучительное послевоенное восстановление, наконец, бестолковое хозяйствование в период освоения целины и последующие «нечерноземные» десятилетия с их поворотом северных рек – все это так глубоко и искренно отразилось в произведениях талантливой плеяды писателей, что вызывало серьезный отпор, в том числе и внутри партийного аппарата, чиновников разного ранга. Вот почему с таким трудом поначалу пробились к читателю их книги, отражавшие совсем иную реальность, нежели та, что была представлена в газетных передовицах и решениях партийных пленумов и съездов. Этих писателей называли и «деревенщиками», и «почвенниками», что было особенно точно, ибо характеризовало их тягу к воз-

врату традиционных ценностей и уклада жизни. Александр Солженицын предлагал свое название – «нравственники», подразумевая под этим борьбу за возрождение традиционной нравственности без какого-либо угождения политическому режиму.

«Во второй половине 1970-х было принято решение канонизировать деревенскую прозу. Принято, как я полагаю, не вдруг, а в позиционных боях между Отделом пропаганды ЦК КПСС, где со времен А. Н. Яковлева окопались прогрессисты, ко всему национальному относившиеся с подозрением, и Отделом культуры, симпатизировавшим как раз тем, в чьих книгах был русский дух и Русью пахло, – вспоминает критик Сергей Чупринин. – Так оно и пошло. Деревенщики спустя малый срок выпустили по двух-, трехтомнику, а позже и по собранию сочинений, получили кто Героя Соц. Труда, кто орден Ленина, вошли в вузовские обязательные программы и рекомендательные школьные. Всё – по заслугам»¹⁰. Но далеко не всех авторов деревенской прозы можно назвать «деревенщиками», ибо многие проявили себя и в других литературных направлениях. Может быть, по этой причине некоторых наградами все же обделили, зато вниманием цензуры не обидели.

Вместе с Фёдором Абрамовым к деревенской прозе часто относят произведения Александра Солженицына («Матрёнин двор», 1963^[2]), Владимира Тендрякова («Не ко двору», 1954), Сергея Залыгина («На Иртыше», 1964), Бори-

са Можаяева («Из жизни Фёдора Кузькина», 1968; «Мужики и бабы», 1976), Валентина Распутина («Последний срок», 1970; «Прощание с Матёрой», 1976), Владимира Солоухина («Владимирские просёлки», 1958), Василия Белова («Привычное дело», 1966), Виктора Астафьева («Последний поклон», 1968; «Царь-рыба», 1976), Василия Шукшина (в основном рассказы), Евгения Носова («Усвятские шлемоносцы», 1977), Владимира Крупина («Живая вода», 1980)... Многие произведения деревенской прозы впервые увидели свет в издательстве «Молодая гвардия».

У подписавших нелицеприятное письмо в «Правде» коллег Фёдора Абрамова имелись свои веские причины согласиться с поступившим к ним предложением. Кто-то руководствовался карьерными соображениями, кто-то искренно ненавидел Солженицына и Сахарова, а иные просто боялись (у одного писателя от страха даже открылась застарелая язва). Опасаться было чего. Санкции к несогласным могли быть суровыми. Как справедливо выразился биограф писателя Олег Трушин, отказ от подписания – это не что иное, «как еще один осознанный абрамовский акт самосожжения, говорящий о нежелании быть чиновничьей марионеткой. И не в этом ли абрамовском поступке сокрыта разгадка его последующего октябрьского завещания? Абрамов вряд ли надеялся на то, что ему сойдет с рук этот поступок, вот и подстраховался на всякий случай, отправляясь в дальнюю заграничную поездку, в которой могло случиться все что угод-

но»¹¹. Речь идет о завещании, которое нестарый еще литератор (1920 года рождения) вдруг составил перед поездкой в Великобританию в 1973 году за себя и за жену.

Расплата за то, что у Фёдора Абрамова нашлось другое мнение, последовала скоро и оказалась не такой уж страшной: журнал «Вопросы литературы» немедля снял с публикации интервью с ним, предложив доработать. А в ноябре состоялась встреча писателя с министром культуры Петром Демичевым, после которой все как-то успокоилось. Через два года, в ноябре 1975-го Абрамов стал лауреатом Государственной премии СССР вместе с Борисом Васильевым и Гавриилом Троепольским. Отныне, приезжая в Дубулты со значком лауреата на груди, Абрамов имел полное право претендовать на лучшие номера в Доме творчества. Хотя и раньше он жил высоко – такова была оценка его таланта писательской верхушкой. В самом деле: если бы Абрамова не считали выдающимся писателем (там, на Старой площади), ему не предлагали бы поставить свою подпись под тем письмом. Но Героем Соцтруда он все же не стал. Почему? Сейчас расскажем...

Охота на писателей шла по всей стране. В это самое время в другом Доме творчества укрывался от «Большого брата» Григорий Яковлевич Бакланов. Но это был Дом творчества не писателей, а кинематографистов. И находился он в подмосковном Болшеве. Но почему укрывался? А потому, что и его, Бакланова, усиленно зазывали принять участие в общем

хоре негодующих представителей советского народа, участников травли академика Сахарова и писателя Солженицына:

«Вот тут и про меня вспомнили. Начали раздаваться звонки из редакций. Обычно милый женский голос сообщал, что такой-то, такой-то и такой-то уже откликнулись, написали им о книге Солженицына “Архипелаг ГУЛаг”, выразили свое возмущение, они не сомневаются, я тоже присоединюсь. Это подавалось как дело чести. Ответ мой был стандартен: этой книги Солженицына я не читал, пришлите, прочту. Как это они пришлют, когда они ее и в руки брать брезгуют. Возникла долгая пауза. И холодел голос: но вы верите нашей газете? Я объяснял терпеливо: у меня правило – не высказываться о том, чего не читал. Особенно настойчивы в те дни были “Советская культура” и “Правда”. Сначала звонили рядовые сотрудники, потом – выше, выше», – рассказывает Григорий Яковлевич в своей книге мемуаров «Входите узкими воротами»¹².

В общем, со всех сторон обложили. И он решил на время схорониться в Москве, в собственной квартире на Ломоносовском проспекте. Главное – не подходить к телефону, чтобы не обнаружили. А с женой договорился: если она с дачи позвонит, то одним звонком, а потом сразу трубку положит. И тогда он ей перезванивал. Поначалу конспирацию соблюдать удавалось. Но до поры. Видимо, в той организации, где всё обо всех знали, догадались о местонахождении Бакланова. И вот в один из дней замучил его телефон: трезво-

нит и трезвонит, причем с определенным интервалом. Как будильник. Писатель не выдержал, схватил трубку и услышал недобрый женский голос: «Как показалось мне – телефонистки...

– Почему не берете трубку?

– А вам какое дело! У меня за телефон уплачено!»

Бакланов как чувствовал, – быстро оделся и во двор. Произвел рекогносцировку местности (фронтоник и бывший начальник разведки артиллерийского дивизиона!), заняв позицию на отдаленно стоящей скамейке, где, к счастью, ни одной старушки не оказалось. Сидит он (а за кустом его не видно) и видит, как во двор въехала «черная “Волга”», остановилась у нашего подъезда. Дверца открылась, вышел товарищ в сером костюме, обойдя машину, вошел в подъезд. Примерно столько времени, сколько требовалось, чтобы подняться на седьмой этаж, постоять безуспешно перед закрытой дверью и вернуться, он пробыл там. Машина отъехала». Что делать? И тут достали. Видно, только одной баклановской подписи на том письме и не хватало. Ну, не могли без нее обойтись, и всё тут. Без Бакланова «веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны», как в том письме говорилось, выходило не слишком полным.

Тогда Григорий Яковлевич решил провести передислокацию: ехать в Красную Пахру на дачу было бесполезно, там бы его застали еще быстрее. А вот не отправиться ли в Болшево? К тому же Марлен Мартынович Хуциев давно его звал

писать сценарий будущего фильма «Был месяц май» – впоследствии оказавшегося для Бакланова самым дорогим из всех экранизаций его произведений (кинокартина была поставлена в 1970 году). Совместное сочинение сценария вышло удачным, обоюдно приятным. И предпринятый Баклановым маневр также не был разгадан противником, не обнаружившим писателя в Болшеве.

Когда 31 августа Григорий Яковлевич открыл купленную Хуциевым газету, он увидел то коллективное письмо и подписи: «Некоторые ошеломили меня. Не буду перечислять, это все были известнейшие имена. В “Бесприданнице” Островского, склоняя Ларису к сожительству, старик купец Кнуров говорит: стыда не бойтесь, мы можем такую цену заплатить, что самые смелые критики умолкнут... Все, кто подписал это письмо в “Правду”, стали впоследствии Героями Социалистического Труда. Некоторые, впрочем, были уже удостоены, но кто еще не был Героем, стал им».

Думаю, более всего Бакланова поразила подпись Василя Быкова – писателя, духовно, да и биографически, ему близкого: Василь Владимирович во время войны служил в тех же артиллерийских войсках. «Боги войны» – так называли артиллеристов на фронте. В официальных статьях, посвященных развитию советской литературы, фамилии Бакланова и Быкова нередко стояли рядом. Их причисляли к ярким представителям так называемой лейтенантской прозы, отличавшейся предельной откровенностью и достоверностью при

описании событий Великой Отечественной, ведь авторы сами были участниками войны и знали ее не понаслышке.

Наиболее активно писатели этого направления заявили о себе с началом оттепели, отважно отстаивая право ставить сложные и неприятные вопросы о цене победы, писать свою «окопную» правду, невзирая на нелепую критику в «дегероизации подвига», которой их регулярно подвергали те, кто и на войне-то не был. От цензуры бывшим фронтовикам доставалось порядочно, в чем только их не обвиняли – в очернительстве, клевете, пацифизме и принижении подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Но чем сильнее было официальное сопротивление, тем больше их произведения читали, экранизировали и ставили в театрах. Интерес к лейтенантской прозе в стране, где почти в каждой семье хранилась медаль «За победу над Германией», был огромным.

Среди образцов лейтенантской прозы – повести и романы Григория Бакланова («Южнее главного удара», 1958; «Пядь земли», 1959; «Мертвые сраму не имут», 1961; «Навеки девятнадцатилетние», 1979), Василя Быкова («Журавлиный крик», 1959; «Третья ракета», 1962; «Альпийская баллада», 1964; «Мертвым не больно», 1965; «Пойти и не вернуться», 1978; «Сотников», 1970; «Знак беды», 1982), Юрия Бондарева («Батальоны просят огня», 1957; «Последние залпы», 1959; «Горячий снег», 1970), Бориса Васильева («А зори здесь тихие», 1969; «В списках не значился», 1974), Кон-

стантина Воробьева («Крик», 1962; «Убиты под Москвой», 1963), Виктора Курочкина («На войне как на войне», 1965), Вячеслава Кондратьева («Сашка», 1979) и др.^[3]

А общепризнанным истоком этого направления послужила повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», опубликованная в 1946 году в журнале «Знамя». И самое интересное, что в 1947 году Виктор Платонович удостоился за эту повесть Сталинской премии второй степени – по предложению самого генералиссимуса. Хотя что тут странного – повесть ведь в том числе и о Сталинграде. Книга неоднократно переиздавалась, а после эмиграции автора была изъята из библиотек Советского Союза и уничтожена. Василь Быков, отдавая должное неоспоримым достоинствам повести, подчеркивал, что Некрасов показал «правоту и высокую сущность индивидуальности на войне», «увидел на войне интеллигента, утвердил его правоту и его значение как носителя духовной ценности в условиях, так мало способствующих какой-либо духовности»¹³. Эта оценка Василя Владимировича была опубликована уже в конце перестройки в 1990 году, когда запрет на книги Некрасова был снят. Постоянно воевать с цензурой приходилось и самому Быкову, причем особенно ожесточенно у себя на родине в советской Белоруссии.

Но и в Москве приходилось несладко. Не было у Василя Быкова ни одной книги, которая бы без труда пробилась к читателю через частокол придинок. Как говорил сам писа-

тель, языка на фронте было взять легче, чем одолеть цензуру. Зоя Николаевна Яхонтова, заведующая редакцией прозы издательства «Молодая гвардия» в 1964–1986 годах, свидетельствует: «Чего стоила эпопея с изданием повестей Василия Быкова! Уже за первую его повесть “Третья ракета” я получила выговор от ЦК ВЛКСМ “за пропаганду абстрактного гуманизма”, который выражался в том, что в повести приводилось письмо убитого немецкого солдата, написанное просто с человеческой болью. Каждая новая повесть этого талантливого писателя подвергалась пристрастному рассмотрению “наверху”. А по последней, изданной в “Молодой гвардии” – “Знак беды” мне пришлось срочно выехать в Минск и уламывать автора кое-что снять. В конце концов нервы Василия не выдержали, и он написал мне, что в Москве больше издаваться не будет»¹⁴.

Зоя Яхонтова – личность легендарная, ее номер, наверное, хотел бы иметь в своей телефонной книжке каждый советский писатель. И классик, и начинающий (участник всякого рода совещаний «молодых писателей»). Вот почему ее почтовый ящик под праздник не закрывался от поздравительных открыток. В издательстве Яхонтову – «мудрого, светлого, замечательного человека» – вспоминают до сих пор. Зое Николаевне удавалось невозможное: она умела постоять за «своих» авторов в кабинетах на Старой площади и Главлита – Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР.

Лишь отмена цензуры в 1991 году освободила писателя от необходимости бороться чуть ли не за каждое слово. Но пока до этого было далеко. На дворе – застой. Василь Быков в тот самый вечер 31 августа 1973 года находился в Белоруссии. Как вспоминал он много лет спустя в автобиографической книге «Долгая дорога домой» («Доўгая дарога дадому», 2002), на него в буквальном смысле охотились, желая получить подпись под письмом. И решил он рвануть в Москву, к приятелю: «Цеквцы и кагэбисты искали меня в Гродно и в Минске, в Москве им было меня не найти. Но сколько ни прячься, а рано или поздно надо возвращаться домой. Вернулся и я. Прятался в собственном доме, как преступник»¹⁵. А затем в составе большой группы писателей ему предложили поехать в Могилев на встречу с читателями. Там-то он и узнал, что его фамилия попала в «Правду», а затем была названа в программе «Время».

Чуть ранее, пишет Быков, его вызвали на прямой телефонный разговор с Минском – работник ЦК Компартии Белоруссии «вежливо и тихо сказал, что в ЦК КПСС поступило письмо выдающихся деятелей культуры, в котором они решительно осуждают подрывную деятельность Сахарова и Солженицына. От Беларуси письмо подписал Мележ (Иван Мележ, автор романа «Люди на болоте». – А. В.), надо, чтобы была и подпись Быкова. Я сказал, что не читал письмо, поэтому подписать его не могу. Он сказал, что это, конечно, мое дело, но он считает своим долгом предупредить меня

о возможных последствиях. Я, не попросившись, положил трубку и вышел из кабинета». Кто бы мог подумать, что фамилию Быкова поставят под письмом против его воли?

Реакция белорусских писателей, также прочитавших «Правду» и посмотревших «Время», была ожидаемой: «Мои коллеги оживились, стали оглядываться на меня. Иван Чигринов молча, но выразительно пожал руку. Остальные помрачнели, нахмурились. Я был растерян и подавлен...» Все попытки Василя Владимировича доказать обратное – что он ничего не подписывал – ни к чему не привели. Не принесла пользы и поездка к Сергею Залыгину в Москву:

«Сергей Павлович сказал, что, к сожалению, не может говорить на эту тему по телефону, – неплохо было бы, если бы я приехал в Москву. Я быстро собрался и поехал. Залыгина застал дома, он чувствовал себя не лучшим образом и тихим голосом рассказал, что и как: всё это – грандиозная провокация, устроенная Шауро^[4] и прочими. Писателей по одному вызывали в ЦК и там буквально выкручивали руки, добиваясь подписи. Верные партийной дисциплине писатели-коммунисты вынуждены были подписать. Залыгин же, сославшись на свою беспартийность, попытался отказаться. Тогда перед ним поставили вопрос: “С кем вы? С нами или с ними? Те двое скоро окажутся на скамье подсудимых, как бы и вас к ним не присоединили”. Залыгин лишь недавно перебрался в Москву, получил неплохую квартиру, был полон литературных планов, перед ним открывалась перспектива

(впоследствии он стал главным редактором “Нового мира”), а тут такой зверский выбор. И он подписал. “Но ведь я не подписывал! – сказал я. – Откуда подпись?” “Ну так ты же в провинции. В провинции всё проще. И страшнее”, – сказал Залыгин».

То, что Сергей Залыгин отказался обсуждать это по телефону – вполне естественно. «Это разговор нетелефонный» – была даже в советское время такая присказка, означающая, что помимо двух собеседников на разных концах телефонного провода могут быть и другие участники разговора, которых не слышно, зато они всё слышат, находясь в курсе происходящего. Поэтому лучше ничего «такого» не говорить. Мало ли что.

Не смог Быков разыскать и Солженицына – хотел извиниться, попросить прощения и объясниться. Письмо в ЦК КПСС с опровержением у него не приняли, даже не пустив на порог. Василь Владимирович оказался в жутком положении. Как еще он мог в те годы заявить о своем неучастии, несогласии с этой травлей? Да никак. Не выходить же с плакатом на Старую площадь. И потому критик Лазарь Ильич Лазарев, работавший в редакции журнала «Вопросы литературы», попытался его успокоить: «Не суетись, не оправдывайся, никому ничего не объясняй. Те, кто тебя знает, и так всё понимают, а тем, кто не знает, не объяснишь. Пусть думают, что хотят». Лишь много лет спустя Быков узнал от одного из сотрудников ЦК КПСС, что его подпись

поставили ради его же спасения: «Иначе они вынуждены были бы отправить меня вслед за Солженицыным». Но до конца дней своих, вспоминая эту историю, писатель чувствовал себя тяжело и неловко: «Я проклинал тех, кто учинил всё это бесчеловечное негодяйство». К слову, Героем Соцтруда Быков стал в 1984 году, а Залыгин – в 1988-м. А Абрамов и Бакланов так без «Гертруды» и остались. Ничто на Земле не проходит бесследно...

А в Доме творчества в Дубулты программа «Время» уже заканчивалась. Вот прошли новости культуры, спортивная рубрика, наступил черед прогноза погоды, когда под популярную эстрадную мелодию показывались картинки с видами столиц всех союзных республик. И каждый писатель невольно ожидал, когда вспомнят про «его» столицу: Алма-Ата (тогда еще главный город советского Казахстана), Фрунзе (а не Бишкек), Таллин (еще с одной буквой «н»), наконец, Киев, Ленинград и Москва. Особенно тепло объявлял этот раздел диктор Виктор Балашов: «И о погоде». Прогноз погоды был самой популярной информацией среди телезрителей: «Тихо! Погоду передают!» В программе «Время» сообщали даже температуру воды в Прибалтике, будто для них, гостей Дома творчества. Наконец писатели повскакивали с насиженных мест и устремились на первый этаж, в столовую, где начали разливать вкуснейший местный кефир...

Вот мы и подошли к крайне интересной теме – отдыху со-

ветских писателей. Их повседневная жизнь была напряженной, но интересной, наполненной встречами с читателями, поездками по стране и по всему миру, посещениями издательств и редакций, заседаниями и съездами, наконец, визитами в Центральный дом литераторов и писательскую поликлинику. При таком трудовом графике любому литератору, в конце концов, требовался отдых. Он даже был ему гарантирован трудовым законодательством. А отдыхать было где, ибо советские писатели пользовались такими привилегиями, которые их нынешним коллегам и не снились. Судите сами: Союзу писателей СССР принадлежало более двадцати домов творчества и пансионатов, находящихся в самых престижных районах страны, в том числе в Переделкине, Внукове, Голицыне, Малеевке, Коктебеле, Пицунде, Дубулты.

Но в том-то и дело: если остальные граждане только и занимались в свой законный отпуск тем, что отдыхали – лечились в санаториях, сплавливались на байдарках, удили рыбу, копались на шести сотках, то советские писатели совмещали отдых с работой, то есть с творчеством. Именно в домах творчества им и были обеспечены необходимые условия для создания новых произведений, достойных своей героической эпохи. И не удивительно, а очень даже понятно, что в перечисленные заповедные места писателям хотелось попасть обязательно, причем зачастую сразу после получения заветной корочки, удостоверяющей факт принятия в члены союза. Критик Валентин Яковлевич Курбатов в этой связи

посчитал нужным отметить при публикации своих дневников в 2019 году: «В 1978 году я был принят в Союз писателей и впервые “равноправно” засобирался в Дом творчества. Тогда “писателей” (как посмеивался Астафьев) народ еще жаловал... Это было недорого и удобно. Я купил себе толстую тетрадь, и мне не терпелось заполнить ее новыми впечатлениями...»¹⁶

Чистый лист обладает какой-то особой притягательной силой, вызывающей у писателя жгучее желание начать работать. Пожалуй, до конца осознать это способны только литераторы. Другой вопрос – с какой именно целью писатель это делает, что им в данный момент руководит. И здесь каждый сочинитель волен действовать в своих интересах и в меру отпущенного ему таланта. Выразительно и поэтически описал процесс творчества Сергей Владимирович Михалков:

Чистый лист бумаги снова
На столе передо мной,
Я пишу на нем три слова:
Слава
партии
родной!

Юрий Маркович Нагибин интерпретировал это по-своему: «Стоит подумать, что бездарно, холодно, дрянно испи-санные листки могут превратиться в чудесный кусок кожи на каучуке, так красиво облегающий ногу, или в кусок от-

личнейшей шерсти, в котором невольно начинаешь себя уважать, или в какую-нибудь другую вещь из мягкой, теплой, матовой, блестящей, хрусткой, нежной или грубой материи, тогда перестают быть противными измаранные чернилами листки, хочется марать много, много»¹⁷. Желания вполне понятные...

Насколько часто выпадала советским писателям возможность заполнять тетради (и просто чистые листы) новыми впечатлениями, как сформулировал Нагибин, «марать много»? Откроем дневник прозаика Марка Александровича Поповского, где он составил для нас график своих поездок по стране:

«Январь (Дубулты, Дом Творчества) – 30 дней,
март (Голицыно) – 26 дней,
март – апрель (Алма-Ата, Караганда) – 14 дней (“Огонёк”),
май – июнь (Алма-Ата, Фрунзе) – 14 дней (“Правда”),
сентябрь (Коктебель, Дом творчества) – 30 дней,
октябрь (Самарканд, Бухара, Ташкент) – 15 дней,
декабрь (Голицыно) – 12 дней»¹⁸.

Упомянутые «Огонек» и «Правда» обозначают командировки от упомянутых изданий в республики Средней Азии, где Поповский собирал материал для биографии архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), над которой он работал.

Остальные же поездки писатель ежеквартально совершал в дома творчества, где и занимался, собственно, сочинительством (до 1977 года, пока не эмигрировал из СССР).

И такая схема повседневной жизни была свойственна многим советским писателям. Вот еще одно свидетельство. «Играю в теннис, езжу в те же Дубулты, Сочи, Ялту, Пицунду. Круг жизни, видимо, определился уже навсегда»¹⁹, – пишет драматург и член Союза писателей Юлиу Эдлис своему другу Василию Павловичу Аксёнову 2 марта 1982 года. Из всех перечисленных географических названий именно Дубулты, маленький уютный посёлок в границах курортной Юрмалы, и превратился для многих литераторов в Эльдorado. Здесь на территории «советской заграницы» (как тогда именовали три прибалтийские республики – Латвию, Эстонию, Литву) работалось и отдыхалось особенно хорошо. Порой борьба за путевки в Дом творчества писателей Литфонда СССР им. Яна Райниса – таково его официальное название – разворачивалась нешуточная, особенно в теплое время года: спрос превышал предложение.

Кто только не отдыхал в Дубулты, проще найти того советского писателя, кто пренебрег этой возможностью. Сюда стремились даже те, кто не был членом Союза писателей. Но лазейку всегда можно было найти, особенно такому крупному кинорежиссеру, как Эльдар Рязанов – он также считался литератором, профессиональным сценаристом. Впервые Рязанов оказался в Дубулты в 1972 году. Не будучи на тот

момент членом Союза писателей, он раздобыл путевку через своего друга и соавтора, сценариста Эмиля Брагинского, с которым они намеревались сочинить новый фильм, на этот раз кинокомедию «Невероятные приключения итальянцев в России». «Для того чтобы работать поплотней, мы решили поехать на сентябрь в Дубулты, где находится комфортабельный Дом творчества, своеобразная резервация для писателей. Сентябрь в Прибалтике – уже не сезон, и сложностей с путевкой никаких не случилось», – объясняет свой выбор Эльдар Александрович.

С самого начала Рязанов поступил неверно. Вместо того чтобы лететь в эту «резервацию» белым соколом, с легким сердцем «от песни веселой» и осознанием безмерного счастья от выпавшей ему удачи, он... задержался на неделю. В Дом творчества писателей из Москвы улетела сердечная телеграмма, предупреждавшая, что кинорежиссер приедет неделей позже, просит не волноваться и комнату за ним сохранить. То ли Эльдар Александрович возомнил себя «фигурой, равной Черчиллю» (хотя сходство было!), то ли телеграмма была не на правительственном бланке с гербом, но должного впечатления она не произвела. В Доме творчества никто и не думал волноваться. Наоборот, обрадовались: освободился номер в «бархатный» сезон! А кинорежиссер даже не предполагал, что его ожидают «Невероятные приключения Эльдара Рязанова в Дубулты».

Дубулты – это вам не Чешские Будейовицы. Из столицы

нашей родины, а также из Ленинграда до Риги регулярно курсировали комфортабельные поезда со спальными вагонами. Вечером садишься – утром уже в Риге, оттуда на такси до Юрмалы (или на электричке, для тех, кто хочет растянуть удовольствие). Прибыв в Дом творчества 7 сентября 1972 года, Эльдар Александрович не обнаружил у входа ни красной дорожки, ни директора с хлебом-солью в руках, ни цыганского ансамбля, распевającego традиционное «К нам приехал, к нам приехал...» (эта сцена позднее была воспроизведена в кинофильме «Жестокий романс», где в роли дорогого гостя выступил Никита Михалков). Встретила кинорежиссера всего лишь сестра, но хозяйка. Заполнив необходимые документы, отдав ей путевку и затребованный рубль «на прописку», Рязанов, к своему изумлению, услышал, что свободных номеров нет, что все они заняты творческими писателями. А потому кинорежиссеру надо лишь несколько дней подождать, кое-как перекантовавшись в холле.

– Как в холле? Я же дал телеграмму, я сообщил...

– Да, да. Телеграмму вашу мы получили. Но свободного номера нет. А в холле вам даже очень понравится. Он просторный. Потом там телевизор...

– Но туда же все будут входить и выходить, когда им заблагорассудится...

– Что вы, холл закрывается. Вас никто не будет беспокоить...

Сестра-хозяйка – это вам не председатель Госкино, с кото-

рым можно и поспорить по поводу будущей кинокомедии, – ей прекословить бесполезно.

«Мы с сестрой-хозяйкой поднялись на лифте на шестой этаж. Она ключом отомкнула дверь холла, который из-за обилия писателей, желающих попасть в Дом творчества, превратили в жилую комнату. Видно, случилось это недавно, может быть, я был одним из первых “подопытных кроликов”. Помещение было странное. Площадь его приближалась к 50 квадратным метрам с гигантским, во всю стену, от пола до потолка, окном. В холле, как водится, стоял рояль, на тумбочке – телевизор, штук восемь кресел и несколько журнальных столиков с шахматами и шашками. Диван был превращен в койку и застелен. Чудовищные эстампы, которые якобы украшали стены, завершали облик этого сарая.

– А где же тут умываться, и вообще... – ошарашенно спросил я.

– Вот вам ключ, – сестра-хозяйка вышла в коридор и отперла дверь недалеко от холла. – Это будет ваш персональный туалет. Кроме вас им никто пользоваться не будет. Здесь есть и умывальник.

Я заглянул в каморку, где действительно все это было...

– Да, но я же дал телеграмму, – безнадежным голосом пробубнил я.

– Это всего на несколько дней, – развела руками сестра-хозяйка.

И я покорился. Я здесь был гостем. И несмотря на то, что

у меня имелась законная путевка, я не стал “качать права”. В конце концов, проживу несколько дней в холле, в холле я еще никогда не жил. Жаль только, что я не умею играть на рояле»²⁰.

Эльдар Александрович был воспитанным человеком, другой бы на его месте немедля принялся разучивать на рояле собачий вальс, подняв на ноги засидевшуюся за «маразмом» чистых листов писательскую округу. Или потребовал бы: «Дайте жалобную книгу!», как один из героев одноименной кинокомедии. Рязанов просто еще не понял, что вопреки холодному приему удостоился чести жить на шестом этаже, куда пускали не многих. Это во-первых. А во-вторых, у него был персональный телевизор, по которому он мог смотреть программы «В мире животных», «Клуб кинопутешественников» и конечно «Кинопанораму». Кое-как пережив ночь в «сараяе» с роялем и «чудовищными» эстампами (вообще-то считалось, что в Прибалтике искусство более продвинутое, чем в остальных двенадцати союзных республиках), наутро Рязанов решил пробежаться, благо что пляж под боком.

Обрядившись в темно-синий с белой полосочкой спортивный костюм (а других в ту пору и не было), надев кеды, Эльдар Александрович решил не изменять своей привычке. Тем более что своеобразная беговая дорожка пролегла вдоль самого синего моря по влажному утрамбованному песочку. Надышавшись утренним морским воздухом, отмахав семь километров, кинорежиссер захотел ополоснуться

(так вот откуда взялась знаменитая сцена в ванной в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!»). Однако «ни в холле, ни в “персональном” санузле душа не было. Постучаться в какую-нибудь комнату на этаже к незнакомым людям я постеснялся, соавтор жил на “несколько рангов” ниже, и унижаться мне не хотелось. В общем, раздевшись в холле до трусов, я выглянул в коридор и, убедившись, что никого нет, юркнул в туалет. Там с грехом пополам над раковиной я произвел частичное, крайне неудобное омовение и, признаюсь, пришел в раздраженное состояние».

Не слишком ли много хотел от Дома творчества знаменитый комедиограф? Душ ежедневный ему подавай! Море под боком – мойся сколько угодно. «Хочешь – пей, хочешь – стирай», как сказал сантехник-альтруист Афанасий Борщёв. В конце концов, на юрмальском пляже тоже душ есть, а мыло и мочалку можно и с собой принести (а еще там янтарь попадается). Правда, вода в душе холодная, но это даже полезно для закалки организма. Профилактика насморка и всякого там кашля (как проповедовал легендарный целитель Порфирий Иванов). А в конце недели пожалуйста в баньку! Или в сауну, – где в то время решались многие важные вопросы (посещение саун стало модным у советских чиновников с начала 1970-х годов).

Интеллигентные замашки не давали московскому гостю покоя. После водных процедур ему вздумалось побриться. Кинорежиссеры – это ведь не писатели, которые часто отра-

щивают бороду и в бритве не нуждаются. Мало того, Рязанов привык бриться не опасной бритвой, а электрической, почти как та, что подарила Надя, главная героиня главного его новогоднего фильма, своему несостоявшемуся жениху Ипполиту. Это был особый шик – бритва с плавающими ножами. А раз бритва электрическая, значит, нужна розетка. Но это как раз в холле и не предусмотрели. То есть розетка была, но всего одна, под роялем, – для телевизора: «Я заглянул под инструмент, но там было темно и пыльно. Тогда я опустился на карачки и пополз под рояль. Ощупывая телевизионный провод, я нашел розетку». Вместо того чтобы воткнуть вилку электробритвы и начать бриться, гость из Москвы повел себя странно: «Несмотря на то, что я был в одиночестве, из моей глотки вырвались ругательства, недостойные деятеля искусства, в особенности советского».

Ну а дальше видный деятель советского искусства, схватив бритву, устремился к директору Дома творчества. Ворвавшись в курортную атмосферу, царившую в приемной, нарушив душевное равновесие секретарши, Рязанов очутился в кабинете директора. Шло совещание, как раз о том, как улучшить и без того отличное обслуживание отдыхающих писателей. За столом заседали полтора десятка человек, внимая директорской речи. Возможно, если бы Эльдар Александрович чуть помедлил, его бы наверняка узнали и пригласили к столу, предложив чашечку ароматного кофе. Но он не дал на это времени: увидев розетку, Рязанов немедля во-

ткнул туда штепсель от своей бритвы. И начал демонстративно бриться под музыкальное сопровождение: жужжание бритвы отчасти напоминало «Полет шмеля» Римского-Корсакова. Отринув обвинения в «хулиганстве», Эльдар Александрович заставил аудиторию дожидаться окончания процесса. Таким образом, совещание зашло в тупик. Такого персонал Дома творчества еще не видел.

Тщательно выбрившись, требовательный гость из Москвы поставил ультиматум: «После завтрака я уйду на рынок. Вернусь через час. Так вот, чтобы к моему приходу была комната. Или я поселюсь здесь, у вас в кабинете». И пошел набирать калории: «Когда через час я вернулся с рынка, меня ждала сестра-хозяйка. Почему-то чудом нашлась свободная комната, в которой все было чисто, убрано и вполне уютно. При этом ощущалось, что несколько дней в ней никто не жил. Комната оказалась на пятом этаже».

Вообще-то Эльдару Александровичу крупно повезло – по правилам внутреннего распорядка вовремя не приехавший отдыхающий лишился возможности поселиться в номере. Такова была инструкция. То есть его, конечно, могли где-нибудь разместить, но только в порядке общей очереди. И не в новеньком кирпичном корпусе, а в деревянной, выдавшей виды дачке с общими удобствами. Странно, что для Рязанова, известного бичевателя пороков советской повседневности с ее повсеместной нехваткой всего и вся, это стало неожиданностью. И пренебрегать выпавшей удачей – то есть

дефицитной путевкой в престижный Дом творчества, которой хотели бы воспользоваться в теплое время года многие (не только писатели, но и артисты, академики, художники), ему не следовало. Это было все равно, что опоздать на поезд.

Например, другой режиссер – Юрий Петрович Любимов, отродясь не состоявший в Союзе писателей, ни разу не опоздал к началу заезда (интересное слово – как на ипподроме, у лошадей). Его здесь всегда принимали с распростертыми объятиями. Театр, возглавляемый Юрием Любимовым, обладал фантастической популярностью у зрителей, а билеты стали своеобразной валютой, которую можно было обменять, например, на покрышки для новых «Жигулей». Юрия Петровича можно было часто встретить в Дубулты в 1970-е годы. И жил он отнюдь не в холле с роялем. С ним мы еще повстречаемся.

Интересно, что все номера в Доме творчества писателей, обставленные стандартной мебелью, походили один на другой. Люксовыми их, конечно, не назовешь, но для творчества вполне подходили. На каждом этаже было по шесть однокомнатных номеров и по четыре двухкомнатных. И никакой роскоши, – чтобы ничто не отвлекало от работы. Таким образом, для всех были созданы одинаковые условия. Дадим слово самому директору – Михаилу Львовичу Бауману, денно и ночно находившемуся на рабочем месте. В июле 1975 года он рассказывал латышскому журналисту и писателю Александру Ольбику:

«Наш Дом творчества в 1973—74 гг. занимал 1-е место во Всесоюзном соцсоревновании среди подобных домов творчества. Пока он считается лучшим в Союзе. Правда, в Пицунде возводится современное здание, в котором, как и у нас, будут отдыхать писатели со всего Советского Союза. Но это пока перспектива. А мы уже сейчас имеем девять комфортабельных этажей, на каждом из которых отдыхает всего 13 человек. Потолочный обогрев и кондиционеры создают в жилых помещениях мягкий микроклимат. В каждой комнате установлен телефон... У нас отменная звукоизоляция, стук пишущих машинок совершенно не слышен в соседних помещениях»²¹. Разве плохо? А на каждом этаже висело объявление: «Тихо! Здесь работают писатели!»

Но если все номера были одинаковыми, то почему ценились именно последние этажи? А потому, что оттуда открывался потрясающий вид на взморье и окрестности. Чем ниже этаж, тем чаще взгляд из окон упирался в сосны, тем меньше были видны Рижский залив и живописно протекающая река Лиелупе – чудесная прибалтийская природа. А какой был закат! Хоть меняй профессию и вступай в Союз художников. Сегодня красивый вид из окна назвали бы бонусом, содрав за это еще и деньги с отдыхающего. А тогда за дополнительную плату купить себе возможность наслаждаться пейзажем было нельзя – только лишь «заслужить». Такова была специфика советской повседневности.

Как заслужить? И талантом, и должностью. И потому на

верхних этажах селили не только всесоюзно известных писателей, чьи книги на полках не залеживались, но и тех, кто этими писателями пытался руководить (куда же от них денешься!). Так постепенно сложился своеобразный критерий, тешащий самолюбие советского писателя: раз я живу в Дубулты наверху, значит, меня уважают. Сегодня это может показаться нам странным. В самом деле, какая разница, на каком этаже жить, ибо на Рижское взморье приезжали, прежде всего, работать, а условия для творчества здесь были идеальными. Но если вам придет в голову спросить у кого-то из поседевших советских литераторов: а сами-то вы на каком этаже в Дубулты жили? То делайте это с осторожностью: не надо тревожить людей с тонкой душевной организацией!

Конечно, многое зависело от директора. Михаил Львович Бауман сделал для писателей немало. Почти вся его трудовая биография связана с Домом творчества в Дубулты – это уже свидетельство того, что он был незаурядной личностью. Попробуй-ка столько лет удержаться в своей должности! В общении с излишне придирчивыми, субъективными и ранимыми «инженерами человеческой мысли» нужно быть и дипломатом, и психологом. Трудно всем угодить, особенно если для некоторых так важен вид из окна.

Для многих Михаил Львович был как отец родной. Недаром за более чем 40 лет скопилась огромная стопка «Книг отзывов и предложений». Десять томов – почти собрание сочинений – с благодарностями и автографами всех известных

советских писателей^[5]. Среди оставивших собственноручные отзывы – Валентин Катаев и Сергей Михалков, Константин Симонов и Алексей Арбузов, Роберт Рождественский и Константин Ваншенкин, Василий Шукшин и Борис Полевой, Юрий Трифонов и Вадим Кожевников, Даниил Гранин и Ярослав Смеляков, Сергей Смирнов и Михаил Дудин, Михаил Светлов и Игорь Сельвинский, Чингиз Айтматов и Евгений Евтушенко, Григорий Поженян и Александр Межиров, Василий Аксёнов и... Эльдар Рязанов. Видимо, растопила, в конце концов, сердце кинорежиссера неустанная забота домотворческих работников о его отдыхе. А может, просто кухня понравилась или с погодой повезло...

Первый том открывается лестным отзывом Самуила Яковлевича Маршака: «От души благодарю всех работников Дома творчества Литфонда во главе с Михаилом Львовичем за их чуткую и неустанную заботу. Если бы в Доме Литфонда было больше чернил, я написал бы больше». И стоит дата: 15 июля 1948 года. Неутомимый детский поэт побывал здесь и в следующем, 1949 году: «До нынешнего лета мне казалось неверным и претенциозным название: “Дом Творчества”. Но за месяц пребывания моего в доме на улице Гончарова я убедился, что это и в самом деле Дом творчества. Мне удалось написать здесь много стихов, сказок, статей...»

А при чем здесь Иван Гончаров, почему именно его имя выбрали для улицы в поселке Дубулты, на которой открылся Дом творчества? Автор трех романов на букву «О» («Обло-

мов», «Обыкновенная история» и «Обрыв» – что уже само по себе уникально), оказывается, приезжал в Юрмалу еще до исторического материализма – в 1880 году. А с ним и Николай Лесков. Знали, куда ехать. И как они только существовали без Союза писателей?!

Хотя я все-таки назвал бы улицу, где расположен Дом творчества, в честь Дмитрия Писарева – критика-шестидесятника и революционера-демократа, утонувшего в Дубулты в 1868 году. Как можно было здесь утонуть – вопрос интересный, ведь море в Юрмале настолько мелкое, что идешь себе, идешь, а воды по колено. Скорее всего, это печальное событие случилось в реке Лиелупе. Но так или иначе, а с тех пор отрицать значение Пушкина для русской литературы (как это делал Писарев) мало кто решался. А критики стали приезжать в Дубулты все реже...

Жаль, что Михаил Львович Бауман не оставил воспоминаний. Но мне удалось отыскать его сына – знаменитого фотографа Вадима Крохина, создавшего отличную портретную галерею советских писателей. Вадим Михайлович сейчас живет в Крыму. Он рассказал, что после Великой Отечественной войны его отца «послали в Латвию для создания дома отдыха ВЦСПС в Дзинтари. А в 1947-м его перевели директором Дома творчества писателей в Дубултах. Позже он чуть было не попал под знаменитое Дело врачей, но отделался лишь легким испугом. Он мне позже сказал: “На войне было не так страшно, поскольку знал, за что воевал, но тогда

было страшно – до ужаса – от беспомощности”»^[6].

Многие писатели приезжали в Дубулты ежегодно, попав, как говорится, и под фотообъектив Вадима Крохина: «Трифонов, Шагинян и Поженян были постоянными гостями. Постоянно приезжали Арбузов, Рошин, Карелин, Маршак, Роберт и Всеволод Рождественские, Окуджава, Вознесенский, Антокольский, Ахмадулина и многие известные литераторы, большинство из них приходили и к нам на дачу в гости. Многих и я снимал для своей книги “Фотоинтервью с литераторами мира”. Беллу Ахмадулину я как раз снял на балконе нашей дачи в Дубулты. А Васю Аксёнова рядом с дачей, Любимова на лесенке при спуске к пляжу... Частенько бывал у нас в гостях Андрей Битов. Мы хотели с ним сделать совместную книгу, выехав из Дубулты на литфондовской “Волге” в Калининград. Но на машине полетел движок после того как мы проехали Колку (в конце Рижского побережья). Битов написал текст: “Чайки-на-вылет”, а я предложил ему его проиллюстрировать моей съемкой».

На даче гостей принимала супруга Михаила Львовича – Людмила Ивановна Крохина. Со многими писателями у Баумана сложились теплые, дружеские отношения. «Я восхищался способности отца нравиться столь разным людям», – заметил Вадим Крохин. Когда в начале 1990-х годов Вадим Михайлович обменял квартиру в Булдури на московскую, его родители переехали в столицу, где и скончались.

А Константина Паустовского Вадим Крохин сфотографи-

ровать не успел – был слишком юн. Близкий к Гончарову и Лескову (по таланту, конечно) Паустовский 25 марта 1955 года записал в «Книге отзывов и предложений»: «Случилось так, что мне приходится начинать эту книгу записей о том, что написано каждым из нас на Рижском взморье, в Дубулты. Возможно, что через несколько лет какой-нибудь литературовед напишет на основании этой книги выдающееся исследование на тему: “Дубултский период в развитии советской литературы...”. Зимой 1955 года (февраль – март) мною в Дубулты было написано: повесть “Золотая роза” (книга о писательском труде), рассказ “Ночной дилижанс” (о сказочнике Христиане Андерсене) и две статьи – о Пришвине (для полного собрания сочинений М. Пришвина) и Фридрихе Шиллере».

О своей повседневной жизни в Дубулты Константин Георгиевич написал в новелле «Надпись на валуне», где повествование ведется от первого лица: «Я живу в маленьком доме на дюнах. Все Рижское взморье в снегу. Он все время слетает с высоких сосен длинными прядями и рассыпается в пыль... Днем в доме, где я живу, идет привычная жизнь. Трещат дрова в разноцветных кафельных печах, заглушенно стучит пишущая машинка, молчаливая уборщица Лиля сидит в уютном холле и вяжет кружево. Все обыкновенно и очень просто. Но вечером кромешная темнота окружает дом, сосны придвигаются к нему вплотную, и, когда выходишь из ярко освещенного холла наружу, тебя охватывает ощущение пол-

ного одиночества с глазу на глаз с зимой, морем и ночью».

Паустовский (добрые коллеги звали его за глаза «доктор Фауст») первым и сформулировал непреходящее значение Дома творчества для отечественной литературы, сделав это очень изящно и остроумно – «Дубултский период». С тех пор это выражение повторяется все чаще и чаще, но со ссылкой на других писателей. Но первым это придумал Константин Георгиевич, в 1957 году написавший: «Всё в Дубулты – тишина, легкое одиночество, пустынная Балтика, дюны, приморские сосны и сам уют латвийской земли – очень помогает писать». Интересно: на каком этаже жил Паустовский? И можно ли представить его врывающимся в директорский кабинет с требованием безотложно предоставить номер на восьмом или девятом этаже?

В том-то и дело, что Паустовский и Маршак приезжали в Дубулты в ту эпоху, когда здесь еще не было так называемого нового корпуса, а сам Дом творчества более походил на небольшой коттеджный поселок, состоящий из прелестных дачных домиков в два или три этажа. Уже позднее на месте старой столовой выстроили кирпичную высотку в девять этажей. Но кому же принадлежали эти коттеджи раньше, до присоединения Прибалтики к Советскому Союзу? Ведь в независимой Латвии не было Литфонда с его домами творчества. На Рижском взморье обитали не самые бедные люди, ибо Юрмала издавна слыла у латышей престижным местом отдыха. Кому-то из них удалось унести ноги после нача-

ла «советской оккупации» (так презрительно именуют этот исторический период официальные власти нынешней, вновь буржуазной Латвии), а других отправили в Сибирь. Или просто поставили к стенке. Недвижимость национализировали, так и возник поселочек из дач, которым советские писатели дали вполне мирные названия: «Дальний дом», «Шведский дом», «Белый дом», «Охотничий дом», «Дом у фонтана», «Детский дом». А дом, где устроили столовую, принадлежал когда-то чуть ли не министру иностранных дел независимой Латвии Зигфриду Мейеровицу, как шепотом на ушко сообщали писателям аборигены.

В одном из коттеджей проживала семья писателей Константина Яковлевича Ваншенкина и Инны Анатольевны Гофф. Специально для этой книги их дочь, художник Галина Ваншенкина поделилась своими интереснейшими воспоминаниями:

«Дубулты, Дом творчества. Я бывала там с родителями и в детстве, и позже, студенткой. Обычно в августе. Родителям хорошо там работалось. А я общалась с ровесниками, делала зарисовки на пляже. Дюны, сосны, удивительные закаты во всю ширь горизонта. После шторма в темной кромке водорослей можно было найти кусочки янтаря... С удовольствием и благодарностью вспоминаю Дубулты тех лет и с улыбкой – некоторые моменты...

“Не надо так громко радоваться...”

Девятиэтажный корпус был построен уже позднее, а до этого мы много лет селились в Главном корпусе – двухэтажном деревянном здании. Перед ним был маленький круглый фонтан с бронзовой фигурой мальчика на дельфине. А в нескольких шагах стоял так называемый Детский корпус – для семей с совсем маленькими детьми. В этих старых корпусах туалет был в общем коридоре, а умывальники – прямо в комнате, при входе. Я, семилетняя, помню, очень удивилась этому. А утром прямо у наших дверей меня ждал высокий плотный человек, сказавший строго: “Девочка, не надо так громко радоваться, что в комнате умывальник!” Как оказалось, это был писатель Леонид Пантелеев. Мама, услышав это, схватила меня в охапку, и мы тут же переселились в Детский корпус.

“А ты, девочка, отойди!”

Еще вспомнилось, как однажды я была там первые полсрока с дедом и бабушкой, мамиными родителями. Мой дед – Анатолий Ильич, замечательный врач – предложил свою помощь в медкабинете. Как-то в самый разгар нашей игры возле Детского корпуса подошел человек с фотоаппаратом, построил детей для снимка, а мне сказал: “А ты, девочка, отойди!” Я отошла, меня ничуть это не задело. Он слышал, что я внучка врача... зачем на снимке посторонние дети?

Зиля и ее мама

Мне было тогда лет 12, наверное. Как-то на пляже рядом легли загорать девочка и женщина – рослая, костистая. Девочка, моя ровесница, сказала, что ее зовут Зиля. Они из Уфы. А это ее мама. “Моя мама – цензор”, – гордо сказала девочка. Я не знала, что это. Помню выражение брезгливости на лице моей мамы-писательницы, когда я рассказала ей про маму-цензора. И я поняла, что цензор – это что-то недостойное и даже постыдное».

И пусть у кого-то не было умывальника в комнате, разве это важно? Восторг и Паустовского, и Маршака, и других писателей вызвала, прежде всего, местная природа. Представим себя в Доме творчества писателей более полувека назад:

«Участки, на которых стояли дома, были слиты в один – получился огромный парк. Он доходил до дюн, тянулся вдоль моря, а с другой стороны его ограничивала главная улица. С каждым годом парк все больше напоминал сад Спящей Красавицы. По направлению к морю парк слегка шел в гору, образуя террасы, к которым вели выложенные камнем дорожки. Над раковиной грота росли розы... За ними уже лет восемь никто не ухаживал, не подстригал, не укрывал на зиму. Но они погибли не все. Те, что уцелели, научились жить без людей. Забыв все чудеса селекции, они совершали обратный путь – к шиповнику. Стебли все больше грубели, покрывались острыми частыми шипами. И чем грознее становились шипы, тем больше становились бутоны. Из них вылуплялись растрепанные неуклюжие цветы, белые и тем-

но-красные, раскрытые до самой серединки».

Да простит меня читатель за это небольшое лирическое отступление. Но оно дорогого стоит: как не писать среди этой красоты книги? Я еще не рассказал про сбор писателями грибов в парке Дома творчества – маслят, опят и сыроежек. Приведенная цитата – из вышедших в Риге в 2012 году мемуаров Виктории Тубельской, дочери часто гостившего в Дубулты драматурга Леонида Тубельского. Он более известен как один из братьев Тур – драматургов, на самом деле никакими братьями не являвшихся. Второго «брата» звали Петр Рыжей. Творили они под общим творческим псевдонимом, почти как Козьма Прутков.

Когда-то очень давно, прогуливаясь по Новодевичьему кладбищу, я заметил странное надгробие, на котором было огромными буквами выбито: «Писатели братья Тур». Вот тогда я и заинтересовался их биографиями: обычно принято хоронить в одной могиле родных, а тут – совсем чужие люди (тот же случай произошел с «чапаевцами» – кинорежиссерами братьями Васильевыми, простыми однофамильцами). Пьесы братьев Тур нередко носили шпионско-криминальный характер, например, «Очная ставка», экранизированная в 1939 году под названием «Ошибка инженера Кочина» с Михаилом Жаровым в главной роли следователя. В 1930—1950-е годы ставились они по всей стране, принося неплохие моральные и материальные дивиденды авторам. Жили «братья» на улице Горького в комфортабельных сталинских до-

мах. А самое известное их произведение – сценарий фильма «Встреча на Эльбе», написанный совместно с бывшим следователем Генеральной прокуратуры СССР Львом Шейниным, их частым соавтором.

На берегах литературы
Пасутся мирно братья Туры,
И с ними, заводя амуры,
Лев Шейнин из прокуратуры.

В 1940-е годы в Москве эту эпиграмму не повторял разве что ленивый²². Как точно употреблена рифма: литература – прокуратура. И главное, что по смыслу очень верная.

У Леонида Тубельского была жена – Дзидра Эдуардовна, пережившая своего мужа (скончавшегося в 1961 году) на очень много лет. Человек она по-своему любопытный, ибо стала одной из первых, кто приехал в только что открывшийся Дом творчества вскоре после войны. Читатель спросит: это кто же «открыл» бы Латвию для писателей в 1948 году, ведь там еще полно было «лесных братьев». В Юрмалу пускали, но с разрешения компетентных органов. Получив спецразрешение в приемной МГБ СССР на Кузнецком Мосту, семья драматурга засобиралась в Дубулты. Дзидра Тубельская все удивлялась: ее, латышку и дочь врага народа, отпустили на родину. Вероятно, сыграла свою роль известность ее мужа^[7]. Да и соавторство с Шейниным даром не да-

ется.

Поселили их в так называемом Белом доме, на втором этаже:

«Встретила нас сестра-хозяйка и заговорила с нами на логманом русском. Удивлению ее не было границ, когда я ей ответила на чистом латышском. Она вела все хозяйство вместе со своим братом. Писателей было еще мало, и они вдвоем прекрасно справлялись. Мы разместились на втором этаже, в комнате, выходящей на огромный балкон. Столовая находилась внизу. Там стояло несколько столов, покрытых белоснежными скатертями. На каждом – вазочка с полевыми цветами. Царила атмосфера домашнего уюта. За трехразовое питание полагалось сдать продовольственные карточки. Кроме того, на лимитную книжку давали дополнительные продукты в магазине в Лиелупе»²³.

Лимитная книжка – еще одна привилегия советской элиты 1950-х годов, отделявшая ее от основной массы населения. Но эти книжки не продавали в книжных магазинах, их выдавали в Союзе писателей для получения усиленного продовольственного пайка. Отоваривали книжки в спецмагазинах, к которым прикрепляли литераторов.

А в 1948 году на Рижское взморье привезли сына Константина Симонова – Алексея, хорошо известного сегодня кинорежиссера Алексея Кирилловича Симонова. Мальчику было от роду девять лет и его отправили на Рижское взморье лечить гланды по совету «врача-убийцы», профессора Алек-

сандра Фрумкина. Перед тем как в 1953 году доктор превратился в главного врага советского народа, он успел вылечить немало хороших людей, в том числе и писательских детишек. Как вспоминает Алексей Кириллович, здесь в Прибалтике «два лета подряд дед с бабкой поочередно пасли своего внука». Сама Прибалтика «была недавно освобожденная, немного, видимо, испуганная, как я теперь понимаю, и не по-нашему чистая и размеренная»²⁴.

Сохранилось письмо деда отцу мальчика, то есть Константину Симонову: «Комната у нас хорошая, кругом зелень и чудные сосны. Несколько раз были на море, но еще никто не купается. Кормят нас хорошо, дают такие большие порции, что не только дети, но и взрослые не съедают. Масло 150 гр., сахару 100 гр., молоко, сметана, творог, белый хлеб и т. п. в изобилии». А бабушка Алексея Симонова оказалась слегка похожей на местных жительниц, было в ней – выпускнице Смольного института благородных девиц – с виду что-то латышское. Но именно сие обстоятельство и служило причиной мелких недоразумений: «Для их разрешения бабка выучила по-латышски “не понимаю”, что, если память мне не изменяет, звучит как “несо прут”. Для удобства запоминания моя лингвистически одаренная бабка переделала это латышское “не понимаю” в русское “не сопрут”». Но, как и положено пожилому человеку, иногда бабуля путала это самое «не сопрут» с другими не менее выразительными русскими словами, что приводило к смешным ситуациям.

Первые отдыхающие Дома творчества и не предполагали, что сметана и творог попадали на их стол с «угрозой для жизни». Вернемся к интереснейшим свидетельствам Вадима Крохина: «В 1949 году отец организовал для снабжения писателей ферму в 56 километрах от Дубулты. Выращивались куры, утки и коровы. Два раза в неделю привозили в Дом творчества свежие яйца, молоко, мясо и рыбу, поскольку на ферме были и пруды. Однажды меня взял с собой отец, дабы я порыбачил, не мешал ему обсудить планы делового развития с хозяином фермы. Только-только успел поймать несколько упитанных карасей, как отправились обратно на его трофейном “Виллисе”. Через 15 километров нас обстреляли из леса так называемые “лесные братья”, слегка ранив шофера. Больше меня никогда не возили на эту ферму». Что касается «лесных братьев», то «одного из них, но отсидевшего срок, позже взял отец к себе на работу водителем. Его звали Альфред. Я с его помощью учился водить машину. Вместе перевернулись на Додж “три четверти” по дороге в Ригу, и мы, вылетев прямо в канаву с водой из открытого кузова военного американца, остались живы – остальных умертвил перевернувшийся Додж... как на войне. Кстати, Альфред тоже позже погиб, но под трактором во время жатвы. Кому суждено погибнуть в катастрофе – может не бояться утонуть».

Ежегодно в ночь на 24 июня латыши отмечают праздник Лиго – вливались в него и писатели. Местные жители разво-

дили костры, пели песни, плели венки из дубовых листьев, угощались и атрибутами праздника: специально приготовленным сыром с добавлением тмина и сваренным домашним пивом. В лесу искали цветки папоротника. Апофеоз наступал к ночи. Дзидра Тубельская вспоминает: «Вдоль берега уже полыхали костры, горели высоко на шестах смоляные бочонки. Парни подгоняли девушек к костру и заставляли их прыгать через огонь, ударяя по ногам пучками аира. Внезапно один из юношей подбежал ко мне, схватил за руку и потянул к костру. Я, недолго думая, подобрала юбку и вихрем пронеслась над пламенем». Приезжавшие в июне в Дубулты писатели и через много лет становились свидетелями соблюдения латышами этой замечательной традиции – сегодня праздник Лиго трактуется в школьных учебниках латвийской истории как своеобразный протест против советских порядков. Догадайся об этом советские литераторы, – и вряд ли бы они решились прыгать через пылающий огонь, да и призадумались бы: чего это латыши их в этот костер тащат...

В Дубулты в 1950-е годы зачастили московские артисты – Рубен Симонов, Юрий Яковлев, Людмила Целиковская, Николай Охлопков, Лев Свердлин. Естественно, что для них Дом творчества превращался в пансионат, они не сочиняли после завтрака, а загорали и гуляли. Случались между отдыхающими и романы.

Вполне закономерным было появление в Дубулты и уче-

ных – их жизнь и работа также была в центре внимания советских литераторов. Взять хотя бы популярные книги Даниила Гранина, в том числе «Иду на грозу», где в персонаже профессора Данкевича угадывается знаменитый ученый Лев Ландау, лауреат Нобелевской премии по физике. «Помню встречи с Львом Ландау в писательском Доме творчества на Рижском взморье. Он терпеть не мог, когда говорили, что он “второй физик мира после Эйнштейна”, – вспоминал Анатолий Алексин. – Что за нумерация? А если кто-то и считает всерьез, что я “второй”, это вовсе не значит, что мы выстроились один за другим, что я дышу ему в спину. Это лишь значит, что, по мнению некоторых, между нами никого нет. Вот и все... Хоть и с этим я категорически не согласен!»²⁵ Приходил Ландау и на писательский пляж, где однажды поучаствовал в импровизированном споре о происхождении Бога.

В советских кинокартинах 1950-х годов мы видим, что весьма распространенной формой мужской одежды на отдыхе были пижамы – в них не только спали, но и носили в поезде, выходили на пляж с полотенцем через плечо, в больших белых панاماх. Пижамы шили из яркого полосатого сатина. И потому большое внимание привлекали на пляже те, кто появлялся не в пижаме, а в редких тогда шортах. Это был особый шик. Одним из тех, кто послужил своеобразным зачинателем новой пляжной моды в Дубулты, стал Адриан Рудомино, очень интересный человек и собеседник (сын ос-

новательницы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Маргариты Ивановны Рудомино). Прекрасная половина Дома творчества почему-то сочла его итальянцем и даже разведчиком (бойцом невидимого фронта!). Вот что означало тогда появиться на пляже в шортах.

С именем Дзидры Тубельской связана постройка в Дубулты теннисного корта. Этот (лишь на первый взгляд) привилегированный вид спорта был весьма распространен среди советской политической элиты и примыкающей к ней тонкой прослойки творческой интеллигенции. Любили «погонять» друг друга и советские писатели. Как пишет Надежда Кожевникова, дочь Вадима Кожевникова (автора романа «Щит и меч» и большого писательского начальника), об одном из таких же литературных генералов: «Классный, отличный теннисист. Лощеный, холеный, ракетка – супер, форма – с иголочки. На корте партнерши его – блондинки, сплошные блондинки»²⁶.

Теннисные состязания начинались обычно после четырех часов пополудни. Солнце уже катилось к закату и не так пекло, как днем. А на Рижском взморье, кому-то кажущемся холодным, оно коварное: нетрудно и обгореть. На теннисном корте в Дубулты часто видели поэта Сергея Григорьевича Острового, в 1969–1988 годах возглавлявшего Федерацию тенниса РСФСР. Среди литераторов это была даже более почетная должность, чем секретарь Союза писателей. Секретарей куча, а теннисная федерация одна. Сергей Островой из-

вестен как автор стихов, ставших популярными песнями, – «У деревни Крюково», «Песня остается с человеком», «Зима» («Потолок ледяной, дверь скрипучая») и т. п. Само собой, писал он и о теннисе. А ветераны отечественного спорта по сию пору с благодарностью вспоминают его деятельность во главе теннисной федерации.

Сергей Островой нередко побеждал своих соперников на теннисном корте. И много сочинял. О его плодовитости ходили легенды. Литературовед Геннадий Григорьевич Красухин вспоминает:

«В нашей “Литературной газете” печатался часто. Но наш отдел тут ни при чем. Ни при чем и оказывался отдел публикаций, когда отделили его от нашего отдела русской литературы. Потому что ни туда, ни туда Островой стихов не носил. Они поступали в отдел от Чаковского (главный редактор газеты. – А. В.). Александр Борисович присылал обычно довольно толстую пачку стихов и просил отобрать то штук пять для отдельной подборки, то пару стишков (его выражение) для коллективной. Зачем это было нужно Чаковскому? Нет, он не был поклонником поэтического таланта Острового. Но он по несколько раз в неделю играл в теннис. Чаще всего с Островым. Тот играл почти профессионально... Вот и вручал Островой ему свои толстые пачки после игры»²⁷.

В теплое время года на корте в Дубулты было тесно от игроков, благо что сооружен он был по всем правилам: покрытие сделали из специального материала – теннисита, утрам-

бовали катком, разлиновали на зоны и повесили сетку. От желающих погонять мяч отбоя не было, порою приходилось записываться в очередь. Среди завсегдатаев теннисного корта были драматурги Морис Слободской и Борис Ласкин, а также Юрий Любимов. Латвия в те годы славилась своими отменными теннисными кортами. А в Дубулты чуть ли не каждый день наведывались и местные девушки-теннисистки, неизменно привлекая внимание писателей, приезжавших без жен. Те, кто не играл, наблюдали за игрой со скамеек, мест на которых едва хватало. Было весело.

Однажды, приехав в несезон, в холодном марте, Дзидра Тубельская познакомилась с Константином Паустовским. Ее с дочерью Викторией поселили в Охотничьем доме. Нельзя сказать, что народу было много. В столовой она узнала Константина Георгиевича, сидевшего неподалеку: «Он был небольшого роста, с резко очерченным лицом, в очках. Вскоре мы стали здороваться и перекидываться несколькими словами о погоде, морозе и невероятном количестве снега. Но даже такие обыкновенные замечания в его устах не звучали банально». Тут, как на грех, Виктория заболела воспалением легких. Паустовский, не обнаружив Тубельских в столовой, пришел к ним, предложив помощь, сидел с девочкой, рассказывал ей сказки.

Константин Георгиевич был все же уникальным человеком! Подлинный интеллигент, никого не предал. В писательских мемуарах не найти ни одного укоряющего слова. Ки-

рилл Арбузов, сын драматурга Алексея Арбузова, вспоминает: «Волею судьбы с Паустовскими наша семья прожила в одной квартире, хоть и за перегородкой, восемь лет. Константин Георгиевич был человеком настолько духовно прекрасным, что даже злое ворчание соседки по коммуналке при его появлении в коридоре иссякало, и обычные склоки прекращались начисто. А как восхитительно было, когда Паустовский и отец затевали разговоры на творческие темы!»²⁸ И таких свидетельств – немало.

Творчество Константина Георгиевича Паустовского относят к так называемой лирической прозе. Наиболее известны его произведения, посвященные описанию российской природы, наполненные тончайшей пейзажной лирикой. Талант писателя раскрылся еще до войны – в цикле рассказов «Летние дни» (1937), повести «Мещёрская сторона» (1939), а наиболее масштабное его произведение – «Повесть о жизни», создававшееся почти два десятка лет, с 1946 по 1963 год. Паустовский отличался активной жизненной позицией, в период оттепели не скрывал своих антисталинских настроений. В русле лирической прозы писали и более молодые его коллеги, на которых творчество Константина Паустовского оказало большое влияние – это Юрий Казаков, Юрий Трифонов, Юрий Нагибин, Владимир Солоухин и другие.

Даниил Гранин вспоминал о встречах с Паустовским в Дубулты как об одном из самых ярких эпизодов своего пребы-

вания на Рижском взморье:

«Вечерами мы собирались у него в шведском домике у камина. Но и днем Паустовский принимал приглашение погулять, посидеть, поболтать. Казалось, ему нечего делать. Как-то я спросил его, почему он неплотно притворяет дверь к себе в комнату. Он виновато усмехнулся: “А может, кто зайдет?” Прекрасное настроение беспечности и незанятости окружало его... Между тем за месяц пребывания в Дубулты он написал больше, чем все мы: Юра Казаков, Эм. Миндлин, я, хотя мы экономили каждый час и работали в полную силу»²⁹.

Прозаик Эммануил Миндлин запомнил раннюю прибалтийскую весну 1957 года и Паустовского, с интересом рассматривающего местных белок: «Дубултские белки были еще не пуганы. Они спускались на нижние ветви деревьев и бисерными глазками безбоязненно смотрели на нас. По пути от нашего дома у фонтана в столовую мы обыкновенно сворачивали с дорожки в сторону, чтобы полюбоваться белками. Стояли втроем – Паустовский, Гранин и я... Как-то мы устроили вечеринку в комнате Паустовского: шесть-семь человек пили коньяк под дьявольски вкусную рыбку копчушку – неизменное прибалтийское лакомство»³⁰.

А проделки местных белок Константин Георгиевич описывал в письме своему сыну Алексею 16 февраля 1955 года: «Я нашел на пляже мячик, который забыл Кирилл Арбузов. Белочки играли им в футбол и сильно его поцарапали свои-

ми когтями»³¹.

Случалось, что белки мешали Константину Георгиевичу работать, отвлекая его: «Сегодня была драка белки с дятлом. Белка, должно быть, спала в своем дупле, а дятел сел на соседнюю ветку и начал изо всех сил долбить. Белка выскочила взъерошенная, разъяренная и бросилась на дятла. Он начал вертеться вокруг ветки и отбиваться и, в конце концов, победил. А вчера белка ободрала кору на липе, надрала лыка, скатала его в маленький сноп и очень ловко, перебрасывая его с ветки на ветку, утащила в дупло, на подстилку» – из письма жене Татьяне Паустовской от 12 марта 1957 года³². В этом же письме Паустовский сообщает, что «вчера переехал в Шведский домик, где жил в прошлый раз (до этого я жил в большом доме, довольно шумном и не очень уютном). Здесь же полная тишина, очень уютно и в окно видно море. Оно каждую ночь замерзает, а к полудню оттаивает и шумит. Снег почти сошел, днем уже в пальто жарко».

Интересная бытовая подробность, о которой пишет Эммануил Миндлин: «Баня в нашем дубултском писательском доме работала раз в неделю, рассчитана была на двоих, и мыться ходили по двое. Вот мы и пошли вдвоем с Паустовским. В жарко натопленной баньке, в пару и в клочьях мыльной пены, когда терли друг другу спины, он вдруг стал читать фетовские стихи. Мыльная пена хлопьями срывалась с моей мочалки, шлепалась на мокрые стены, пузырчатými белыми струйками стекала на шашечки пола. Я замер с мочалкой

в руках, чтобы звонкое поскрипывание мочалки и всхлипы-
вающие шлепки мыльных ключьев по стенам не перебивали
родниковой музыки фетовских поэтических строк». Дочи-
тав, Паустовский спросил: «Любите ли вы Фета?» И услышав
от соседа по бане отрицательный ответ и «выхватив из мо-
их рук намыленную мочалку, Паустовский принялся ярост-
но тереть мою спину и, задыхаясь в пару, хрипло кричал,
что прекрасное не может не быть помощником в жизни. А
раз Фет прекрасен...». Впоследствии Константин Георгие-
вич часто вспоминал время, проведенное на Рижском взмо-
рье. «Как мне не хватает Дубултов, разговоров с вами, снеж-
ного моря, лукавых глаз Гранина», – писал он Миндлину.

В непринужденной творческой атмосфере находилось
время и для шуток. Однажды Даниил Гранин решил разыг-
рать Константина Георгиевича, отпечатав на машинке пись-
мо с якобы приглашением «дорогого писателя К. Г. Паустов-
ского» на праздничный вечер местного молочного завода
к Международному женскому дню 8 Марта. Об этой смелой
затее знали и соседи по столу – Эммануил Миндлин и Юрий
Казаков. И что же? Розыгрыш обернулся настоящим празд-
ником – когда Паустовский пришел в заводской клуб, жен-
щины его встретили так, словно действительно ждали. Кон-
стантин Георгиевич провел прекрасный вечер. На розыгры-
ши он не обижался.

А Юрий Казаков, похоже, вспоминал и те самые мартов-
ские дни: «Я не бывал в Дубултах летом и осенью, но вес-

ной там прекрасно! Почему-то много солнца, легкий морской воздух, заколоченные дачи, дома отдыха закрыты, кругом безлюдно, да и в Доме творчества обычно человек пятнадцать народу. Ранней весной там хорошо работается»³³.

После смерти Леонида Тубельского в 1961 году его вдова продолжала приезжать в Дубулты – путевки помогал доставать Сергей Михалков. А когда Дзидра Эдуардовна познакомилась с директором Литфонда Латвийского союза писателей Эльвирой Затис, проблем с посещением Дома творчества в самые загруженные месяцы лета вообще не стало. В хороших отношениях она была и с директором Михаилом Бауманом. Как-то раз, летом 1965 года он попросил ее об одолжении – Союз писателей пригласил отдохнуть в Дубулты самого Генриха Бёлля – классика западногерманской литературы. Ехать за ним надо было утром, на вокзал в Ригу (где по сию пору стоит высокая башня с часами). Для встречи такого высокого гостя полагалась черная «Волга». Но машина сломалась, и Бауман попросил Тубельскую съездить за писателем на своей машине, купленной еще при жизни мужа на его гонорары.

Бёлль приехал с женой Аннемари и двумя сыновьями, Винсентом и Рене. Их поселили даже не в Белом доме, а на ближайшей к Дому творчества правительственной даче.

«Там были и душ, и ванна, и туалет, и целый дом в их распоряжении, – уточняет Дзидра Тубельская. – Но там не кормили. Я сказала, что зайду за ними, чтобы сопроводить на

обед. В столовой вся семья с удовольствием уплетала нехитрые блюда, которыми потчевали писателей. После обеда я пешком проводила их обратно, сказав, что теперь они сами смогут найти дорогу в столовую Дома творчества. Это опять озадачило Бёлля. Он все продолжал ко мне приглядываться. Уже потом, когда мы ближе познакомились, он сознался, что встреча на вокзале и мой отличный английский подразумевали, по его понятиям, что я приставлена к ним от КГБ. Тогда почему же я перестала их опекать в первый же день? Вся семья дружелюбно ко мне относилась и время от времени приглашала на прогулку по пляжу, что вызывало некоторое недоумение со стороны обитателей Дома творчества: Бёлль не спешил ни с кем входить в контакт, да и мешало незнание языка».

Это был далеко не первый визит Генриха Бёлля в СССР – здесь его много издавали, благодаря чему он стал одним из самых известных среди советских читателей западноевропейских авторов. Бёлля в СССР знали в лицо, издавали его почти два десятка лет кряду, с 1952 года. И «Дом без хозяина», и «Глазами клоуна», и «Чем кончилась одна командировка», и многие другие его произведения, общим тиражом два миллиона экземпляров. Из советских писателей немецкий классик особо ценил творчество Солженицына, Гроссмана, Трифонова.

А по-настоящему Генрих Бёлль подружился с Львом Копелевым и его женой Раисой Орловой, называвшими немец-

кого писателя на русский манер Генрихом Викторовичем. И Копелев, и Бёлль воевали. Только по разные стороны фронта. В дневнике Раисы Орловой от 26 июля 1965 года сохранился их разговор: «Говорим о Паустовском. Когда Паустовский ехал во Францию через Кёльн, он, проезжая через незнакомый город, ощутил родство, подумав: “Здесь живет Генрих Бёлль”»³⁴. Бёлль и Паустовский встречались в 1962 году.

Как отдыхалось Бёллю в Дубулты? Ведь поселили его на отдельной вилле, кормили, правда, в общей столовой. А ведь на дворе стоял август 1965 года – самый пик сезона. Мы не знаем, что он сказал на прощанье директору – наверняка выразил благодарность за интереснейший отдых, но Копелеву признался: не очень! Так и записал Лев Зиновьевич в дневнике от 16 августа 1965 года: «Ждем Бёллей на аэродроме в Ленинграде. Они все загорелые... Ему в Дубултах не понравилось»³⁵. Кто знает, быть может, плохо кормили. Или дело в разных критериях комфорта западногерманского и советского писателя? В тот приезд Бёлль все мучился вопросом: «Какая организация более властная – Союз писателей или Союз художников?..» Объективного ответа иноземный гость таки не дождался.

О «властности» (или, точнее сказать, о всевластии) творческих союзов в СССР Бёллю, надо полагать, много рассказывал Солженицын. Время у них было. Когда Александра Исаевича лишили родины, выдворив его 13 февраля 1974 го-

да «за пределы Советского Союза», как сообщил всему миру ТАСС, звонок жене он совершил именно из дома Бёлля в Кёльне ночью 14 февраля. Об этом вспоминала в интервью супруга писателя³⁶. Так «Генрих Викторович» приютил Александра Исаевича³⁷.

А чем, кстати, закончилась охота на писателей? В том-то и дело, что она перешла в новую, более агрессивную фазу. 3 февраля 1974 года драматург Александр Гладков отметил в дневнике:

«Юра Трифонов “вернулся”. На него была настоящая охота, организованная Чаковским, чтобы заставить его высказаться о Солженицыне. Но он улизнул. Звонки, звонки. Не беру трубку. “Г. А.” [Голос Америки] сообщает о заявлении Солженицына, что в прошлую ночь ему звонили из органов и прямо угрожали»³⁸. Сам Александр Гладков был с органами знаком не понаслышке, после войны его незаконно арестовали (по доносу), отправив в ГУЛАГ. Наиболее известна его пьеса «Давным-давно», экранизированная Эльдаром Рязановым в 1962 году под названием «Гусарская баллада».

С начала 1974 года в советских средствах массовой информации началась всесоюзная кампания по травле Александра Солженицына, целью которой было даже не открыть советским людям глаза на автора «Архипелага ГУЛаг» (благодаря «рекламе» Агитпропа писателя и так знали как облупленного), а повязать общей ответственностью как можно

больше людей. Так делал когда-то Сталин, пуская по кругу протокол заседания политбюро со списками приговоренных к расстрелу. И все расписывались, руководствуясь естественным инстинктом самосохранения. Не подпишешь – можешь сам угодить в следующий расстрельный список.

Никого не забыли – с «гневом и возмущением» Солженицына осуждали доярки и сталевары, ткачихи и горняки, академики и режиссеры, артисты и художники. Но где же они взяли «Архипелаг ГУЛаг», после прочтения которого их сердца «переполнились»? В магазине, что ли, купили? «Я Солженицына не читал, но осуждаю...» – формула очень удобная.

«Литературная газета», ведомая Героем Социалистического Труда Александром Чаковским, выступила громко и «с душой», отметившись запоминающимися серийными публикациями «Отпор литературному власовцу» и «Конец литературного власовца». Под этими заголовками публиковались отклики «писательской общественности», из которых можно было бы составить отдельный сборник, читать который никому не посоветую, – столько в нем злобы и ненависти. Здесь и Олесь Гончар («Кошунство»), и Анатолий Ананьев («Растленная душонка»), и Виль Липатов («Мы отвечаем презрением»), и Ануарбек Алимжанов («Народ проклянёт»), и Петрусь Бровка («Лишь бы очернить») и многие другие советские писатели. Кого-то должность обязывала, а иные и сами спешили отметиться, то ли в страхе, то ли в

ожидании поблажек. И потому Юрий Трифонов и подобные ему смелые литераторы на фоне этого шабаша выглядят особенно хорошо и достойно.

Нетрудно догадаться, кто именно имелся в виду под «литературным власовцем» – лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын. В чем только его не обвиняли, – даже в «продаже Родины», в связи с чем вспомнилась фраза одного из героев фильма Эльдара Рязанова «Гараж»: « Попрошу факт продажи Родины зафиксировать в протоколе!» Картина 1979 года отчасти напоминает и погромные собрания Союза писателей – там ведь тоже исключали... Можно поразному относиться к Солженицыну, некоторые до сих пор не могут принять ни личности писателя, ни его творчества. Нельзя не подивиться другому обстоятельству – огромная страна, занимающая одну шестую части суши, имеющая одну из самых больших армий в мире, вооруженная атомными бомбами, объявила войну одному-единственному человеку будто Наполеону с его армией «дванадесять языков», Чингисхану с его ордой или враждебно настроенному блоку НАТО. А человек этот – всего лишь писатель, фронтовик, жертва политических репрессий, имеющий свое мнение, пусть и не совпадающее с официальным.

У некоторых советских людей с хорошей памятью, прочитавших эту газету с соответствующими публикациями, могло сложиться впечатление, что началась вторая серия 37-го года. Судите сами: 26 января 1937 года та же «Литератур-

ная газета» вышла с передовой статьей «Нет пощады изменникам!», требующей расстрела участников «параллельного троцкистского центра». Меня в этом газетном номере особенно поразило то, что рядом с передовицей на первой же полосе напечатана статья «Неизвестные материалы о Пушкине». Иными словами, столетие гибели Александра Сергеевича Пушкина и процесс над врагами народа подаются как равнозначные информационные поводы, приучая читателей к обыденности происходящего. А еще к какой-то особой извращенной логике: вот убитый Пушкин, а вот убийцы...

Открываем газету 1937 года, читаем дальше: Николай Тихонов («Ослепленные злобой»), Константин Федин («Агенты международной контрреволюции»), Юрий Олеша («Фашисты перед судом народа»), Всеволод Вишневский («К стенке!»), Исаак Бабель («Ложь, предательство, смердяковщина»), Лев Славин («Выродки»), Андрей Платонов («Преодоление злодейства»), Евгений Долматовский («Мастера смерти») и т. п. Масса имен. Почти литературная энциклопедия, но не вся...

Весьма образно и по-женски затейливо озаглавила свою статью воинственная Мариэтта Шагинян – «Чудовищные ублюдки». Кстати, ее фамилии в том письме в «Правде» от 1973 года нет: то ли сама отказалась, то ли не предложили, но мужскую компанию подписантов все же следовало разбавить хотя бы одной женщиной-писателем. А вот поэт Николай Тихонов и в 1937 году, и в 1973-м не подкачал,

езде отмечился. Сравнивая номера «Литературной газеты» столь разных лет, нельзя не прийти к выводу, что определенная преемственность все же чувствуется. Соблюдение общей стилистики налицо.

Подписчиков «Литературной газеты» было немало, ибо, как выразился журналист Александр Борин, «газету называли тогда Всесоюзным бюро жалоб»³⁹. Это было характерно для многих советских газет, превратившихся, по сути, в единственную действенную инстанцию, на которую простые граждане возлагали последнюю надежду. Вряд ли читатели французской газеты «Монд» или английской «Дейли мейл» писали в редакции письма о плохой работе химчисток и отключении горячей воды. Но в советском «обществе ремонта» это было нормальным – жаловаться в газету, которая вообще-то не имеет отношения к бытовому обслуживанию населения. Александр Борин – один из тех, кто работал в те годы в «Литературной газете», создав ей определенное репутацию. Его имя стоит в ряду таких замечательных журналистов, как Юрий Щекочихин, Аркадий Ваксберг, Ольга Чайковская, Анатолий Рубинов, Евгений Богат и многих других. Заняв важную социально-бытовую нишу, советские журналисты помогали бороться со взяточниками и бюрократами, нерадивыми продавцами и спекулянтами, таксистами-невеждами и официантами-несунами, а также расхитителями социалистической собственности. Более того, иногда газетные публикации даже открывали двери тюрем, где томились

невинно осужденные граждане. Своя преданная и многотысячная аудитория сформировалась и вокруг газет «Комсомольская правда» и «Известия», куда поступало не меньше жалоб от населения. Вообще в советское время было принято подписываться на одну и ту же газету много-много лет. Что-то в этом есть трогательное.

«Мы, конечно, знали, – вспоминает Денис Драгунский, – что “Литературная газета” – это трибуна интеллигенции, газета смелая, как тогда почему-то говорили – левая, и очень любили ее читать. С нетерпением ждали среды, когда она выходила»⁴⁰. А Юрий Нагибин 27 февраля 1973 года отметил в дневнике: «Вернулся после семнадцатидневного отсутствия и будто не уезжал... На столе – несколько писем, пересланных “Литературкой” – злобных и грязных. Всё, что идет от этого органа печати, пакостно»⁴¹.

Словно отвечая Юрию Марковичу, через много лет Сергей Иванович Чупринин напишет: «Смешно было бы мне снимать сейчас вину и с самого себя, и со своих коллег. <...> Люди, не способные жить по лжи, в “Лит. газете”, как и вообще в печати советских лет, не задерживались. Увы, но это так. Среди нас, вне всякого сомнения, были трусы, были дураки, были раздолбаи, но подлецов при мне все-таки, кажется, не было. Что, разумеется, никого из нас не освобождает от ответственности за грязь, которой более чем с избытком хватало на литературных полосах старой “Литературной га-

зеты»»⁴².

А что читатели? Они-то как на все это реагировали? На читавшись всей этой «оголтелой» пропаганды (словечко той эпохи – «агрессоры оголтелые»: в пьесе Михаила Рощина «Старый Новый год» Петр Себейкин обзывает так свою жену и тещу с тестем), советские люди, по привычке, брались за перо. Сохранился очень интересный документ – «Записка редколлегии “Литературной газеты” в ЦК КПСС об откликах читателей на публикации статей о А. Солженицыне» от 4 февраля 1974 года:

«Совершенно секретно. ЦК КПСС.

Направляем для информации “Бюллетень” отдела писем “Литературной газеты” в связи с публикациями о А. И. Солженицыне. Всего на 31 января в редакцию поступило 335 писем. 155 из них приводятся в “Бюллетене”.

Первый заместитель Главного редактора “Литературной газеты”

В. Сырокомский».

Записка извещает:

«Всего на 31 января 1974 г. в редакцию поступило 335 писем читателей об А. И. Солженицыне. В подавляющем большинстве – это отклики на опубликованные в газете статьи: “Кому выгодна антисоветская шумиха” (“ЛГ” № 3 от 16 января 1974 г.), на подборки писательских выступлений – “Отпор литературному власовцу” (“ЛГ” № 4 от 23 января 1974 г.

и “ЛГ” № 5 от 30 января 1974 г.). Часть писем является откликами на выступления А. Б. Чаковского по телевидению и С. В. Михалкова по радио. Всю эту почту можно разделить на три группы:

1. Письма, гневно осуждающие Солженицына, – 165.
2. Письма, авторы которых выступают в защиту Солженицына, – 104.
3. Письма, авторы которых задают различные вопросы, – 66.

Письма правке не подвергались, сделаны лишь незначительные сокращения.

В “Бюллетене” приведено 155 писем, полученных до 25 января 1974 года»⁴³.

Документ в ЦК КПСС читали, о чем свидетельствует следующая отметка: «Тов. Демичев П. Н. ознакомился. 14.02.74 г.».

Цифры интересные: лишь 49 процентов читателей, приславших письма, «гневно осуждают» Солженицына, остальные – либо «за», либо «воздержались». Занятная социология. А ведь как промывали мозги людям с утра до вечера – и все равно промыли неэффективно, лишь наполовину. Вот это и странно. Ибо у нас ведь только начини «гневно осуждать» кого-либо в средствах массовой информации – и сразу посыпятся как зерно из драного мешка «письма трудящихся». Их вроде не просили, отмашку не давали, а они знай себе пишут. И остановить уже невозможно. Горьким опы-

том научены. Представим себя на месте товарища Демичева и ознакомимся с наиболее характерными посланиями читателей, уж очень точно передают они советскую повседневность:

«Тов. Чаковский!

Прослушал Ваше выступление сегодня, 15-го января, между двумя периодами хоккея, с осуждением Александра Солженицына. Ей-богу, смешно было слушать такого взрослого дядю со Звездой Героя на груди, произносящего какой-то детский лепет. Дали Вам Звезду Героя в обмен на Вашу совесть, если она у Вас была до этого, – так я понял Вас.

Льете Вы на человека грязь без зазрения совести. Прimitивно и старо! Таким образом у нас были оклеветаны и осуждены сотни тысяч людей. Вы не постеснялись упомянуть 20 миллионов погибших. Не смейте их трогать! Они погибли за то, чтобы такие, как Чаковский, Жуков (Юрий Жуков, политобозреватель Центрального телевидения. – А. В.) и прочие марионетки не морочили нам головы. У меня погиб отец и другие родственники, но при чем здесь Солженицын? Видите ли, он вредит разрядке международной напряженности. Говорите не общие банальные фразы (от них давно уже тошнит), а конкретно говорите, чем, как, когда Солженицын навредил политике разрядки, чем он вредит народу? Дайте нам почитать его книги, а мы и без Вашей помощи способны разобраться, что такое хорошо, а что такое плохо. А то Вы

жевали (было такое впечатление, что кто-то сзади дергает за веревочки, как в кукольном театре управляют куклами), но не зачитали даже ни одной цитаты из его книг.

Хорошо Вы сказали про это самое “колесо истории”. Бедное колесо! Кто за него только не хватался! Но чаще всего грязными неопрятными лапами.

Русскому народу к грязи, к репрессиям не привыкать, и его этим уже не удивишь. Но вот Вы там что-то промямлили о какой-то демократии. О какой демократии? Неужели она у нас появилась? Вот если бы Вы сели у экрана рядом с Солженицыным и попробовали убедить его, в чем он не прав, в чем он ошибается, а он имел бы возможность отвечать на Ваши обвинения – вот это было бы демократично. А если человеку рот заткнуть кляпом и говорить, что он негодяй, он властовец, – это Ваша “демократия”.

Солженицыну следовало бы подать заявление в суд о привлечении Вас к уголовной ответственности за оскорбление. Но с нашей демократией скорее Солженицын попадет на скамью подсудимых, к этому все клонится, для этого и раздувается кампания клеветы, лжи и грязи.

Колесо истории действительно катится, и когда-нибудь оно раскатает всю эту грязь и тех, кто из этой грязи пытается лепить фигуры. В Ваших руках все средства массовой информации социалистических стран, и поэтому заинтересованным лицам ничего не составляет облить грязью любого человека.

Видно, не скоро прекратятся страдания на нашей несчастнейшей Руси!

Нет сомнения, что Солженицына Вы сломаете, сгноите. Для этого у Вас есть все. Но поддержку Вы найдете только у дилетантов и невежд, подобных тем, которым Ю. Жуков по телевидению показывает на карте, где находится Вьетнам. Я много лучше Вас знаю народные массы; многие, очень многие ни одному Вашему слову не поверили.

Как Вы и Вам подобные позорите нашу Россию!

Да, чуть-чуть было мы начали посвободнее дышать после 1956 года, но кое-кому это не понравилось. Старое начинается сызнова. Сахаров, Солженицын... Кто же будет следующим? Очевидно, те, кто виновны в гибели и страданиях сотен тысяч людей, сильны и сейчас. И сильны, и нужны. Еще бы, у них такой опыт! А Солженицын взял да и опубликовал их фамилии в книге "Архипелаг ГУЛаг". А вы говорите: Чили. В наших лагерях погибло несравнимо больше наших людей, чем в Чили. И прежде чем осуждать чьих-то палачей, надо наказывать по заслугам своих, ныне здравствующих и процветающих.

Мой адрес к Вашим услугам.

Слесарь завода СМИ *Н. Ненашев*».

А вот письмо прямо противоположного содержания:

«Уважаемый Александр Борисович!

Трудно справиться с чувством гнева и возмущения, слу-

шая и читая о подлом предательстве Солженицына! Как смеет этот Иуда, этот моральный урод и власовец по призванию в течение ряда лет, живя на нашей земле, систематически предавать нашу Родину и оплевывать все самое дорогое, самое светлое, все то, что мы высоко чтим и любим! Доколе мы будем терпеть в нашей семье, в нашем доме врага и изменника? Благодаря нашей гуманности этот выродок чувствует себя безнаказанным, а вокруг него реакционерами и буржуазными пропагандистами создается ореол героя и великомуученика!

Не пора ли выбросить Солженицына с нашей советской земли или лишить его возможности клеветать на нашу Родину, на наш великий народ, на нашу партию!

Я уверен, что это мое письмо не единственное, что весь советский народ негодует и ждет решительных мер к предателю и непримиримому врагу нашего народа, нашего государства.

Заслуженный деятель искусств РСФСР *А. Струнин*».

Кончилось все тем, что через 20 лет Александр Солженицын триумфально вернулся в Россию. После смерти писателя в 2008 году ему были открыты памятники, переименованы в его честь улицы, появились и музеи. А в день столетия писателя 11 декабря 2018 года в Москве был открыт памятник на одноименной улице. На открытии монумента выступил глава Российского государства, назвавший Александра Солженицына «истинным, настоящим патрио-

том России» и отметивший его «исключительную принципиальность», призвав популяризировать творчество писателя и приобщать молодежь к чтению его книг⁴⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.